

Зинаида Сигал

**С
любовью...**

***Господи, благослови!
Е нумту Худо!***

***Господи, дай мне душевный покой,
Чтобы принять то, что я не могу изменить.
Мужество – изменять то, что я могу изменить.
И мудрость – отличить одно от другого.***

***Думайте так, будто каждая Ваша мысль
Огромными, огненными буквами
Написана на небе и видна каждому
Так оно и есть!***

© Зинаида Сигал
Зинаида Сигал «С любовью»
2010 г., 144 с.

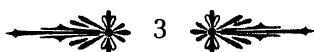
Итак, с благословения моих детей и с Божьей помощью, я начинаю свою «летопись», которая, по идее замысла, должна отобразить временной отрезок, в котором оказалась я, мои родственники и мои современники.

В моем любимом художественном фильме «Дорогой мой человек» один из героев, адмирал, проживший долгую жизнь, говорит о себе, что он - «человек-эпоха». Наверное, это определение можно применить и ко мне, ведь, сколько исторических событий произошло за мою жизнь...

Как я решила сесть за эти записи? Меня уговорили дети, а окончательно убедил Лешенька. Благодаря ему я прочла книжечку, выпущенную в Израиле, в которой наша соотечественница описывает свою судьбу в годы Великой отечественной войны. Эта женщина была в эвакуации и, вернувшись домой, обнаружила свою мебель у соседей. Да, люди страдали, они были в эвакуации, но, прочитав эту книгу, я поняла, что мне есть что рассказать.

Что есть жизнь? В песне поется: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется Жизнь». А для нас, простых смертных, она коротка или продолжительна? Я не могу ответить однозначно. Без кокетства понимаю, что свою жизнь почти прожила. Она вместила в себя много событий, встреч, произошло столько знаковых событий с миром, моей страной, моими близкими. Я вдруг испугалась, что беру на себя такую ответственность. Ведь мои дети из моих записей должны представить, чем жили я и мои сверстники, современники, что ценилось в людях, какие были у нас ценности. У меня нет никакой литературной подготовки, слабая эрудиция, тем более, никакого опыта подобного изложения. Неуклюжий реверанс сделан, и я, с Божьей помощью, начинаю эти записи.

Я думаю, что главное - уметь изложить все хорошее, что произошло в моей жизни. А она состоит из светлых, радостных, счастливых и грустных, горестных и тяжких

событий. К счастью, человек запоминает, в основном, хорошее. А плохое не забывается, а просто принимается как данность, и боль этих переживаний немного притупляется. «Все проходит», - говорил мудрый Соломон. Древняя мудрость гласит: «Чтобы вы не испытывали сейчас - нечто хорошее или плохое, радость или печаль, - все пройдет...»

Мы часто торопим события, не понимая, что каждый миг жизни неповторим, и она, жизнь, к сожалению, сужается как шагреневая кожа.

Иногда наступает отчаяние, неприятности, болезни близких, а затем приходит светлая полоса - время преподносит такие неожиданные решения проблем, происходят знаковые события и встречи - и безнадежность сменяется радостью.

Часто сюжеты художественных фильмов кажутся надуманными, а я убедилась в том, что в реальной жизни события ярче, непредсказуемее и эффектнее, чем в любом фильме. И вам не раз придется удивляться поворотам событий, читая эти строки. Итак, мне предстоит описать эпоху, которая вместила невероятное количество значительных событий: довоенное, военное и послевоенное время, с самым светлым праздником - Днем победы, жестокая война со своим народом до и после войны - с передовыми его умами, священнослужителями. Раскулачивание, огульное обвинение в измене Родине, выселение народов и тогда же - успехи индустриализации, победа, восстановление народного хозяйства. Огромный вклад в эти успехи принадлежит бесплатному и бесправному труду заключенных, оговоренных и невинных жертв. Но тогда мы верили в то, что строим светлое будущее и в то, что живем в самой свободной стране. Это было время невиданного патриотизма и преданности Родине, беспримерного народного подвига и энтузиазма.

Смерть Сталина мы восприняли как личную невосполнимую утрату. Мне было 23 года, я искренне считала, что все, чего я добилась в жизни, произошло «благо-

даря дорогому вождю». Пусть Бог и мой дядя Жорочка простят меня, ведь я не знала, что творилось в стране с народом за годы сталинской власти. Потом началась чехарда с престарелыми руководителями: Маленков, Булганин, Хрущев, Брежнев, Черненко, Андропов, и, наконец, Горбачев, Ельцин и, к моему удовольствию - Путин и Медведев – руководители молодежи.

Теперь вы можете представить, свидетелями, каких событий я стала. Это - политическая сфера, а бытовая?

До войны люди были счастливы, обладая велосипедом, граммофоном, патефоном, радиоприемником..., и свидетелем появления чего я оказалась в своей жизни: реактивные самолеты, атомная и водородная бомбы, атомные электростанции и ледоколы, легковые автомобили, спутники Земли, холодильники, стиральные машины, телевидение, первый полет человека в космос и на Луну, компьютеры, интернет, мобильные телефоны и пр.

Мое поколение начинало жить без всего вышеперечисленного, а сейчас молодым трудно представить жизнь без всех этих ставших привычными вещей.

Приступаю к своему жизнеописанию, и, дай Бог, дожить до того дня, когда я закончу его словами «и летопись окончена моя».

Моя семья относится к этнической группе горских евреев (чугур, или таты). Наши предки были в плену в Ираке, Вавилоне, Ассирии и Персии. Но, проживая в рабстве, наши предки не забывали своей религии и культуры, что повлекло гонения. Так, шах Едзигор (439-457 гг.) запретил в синагоге чтение молитвы «Шма Исроэль». Евреи вышли из положения: они прочитывали эту молитву вслух дома, а в синагоге - еще раз, но молча, про себя. Также было запрещено празднование субботы. Сын Едзигора пошел еще дальше – он приказал отбирать мальчиков из еврейских семей и отправлять их на обучение в зороастрийские храмы.

Вопреки гонениям отеческие традиции продолжали соблюдаться. Но последовательные репрессии все же вынудили евреев переселяться на территории нынешнего Азербайджана, Чечни, Ингушетии, Грузии, Дагестана, а также юга России. И те, которые были вывезены в качестве рабов, и самостоятельно переселившиеся, со временем обустроились в этом регионе, создали свой особый уклад в относительно благоприятных условиях.

На новых землях горские евреи занимались садоводством, хлебопашеством, торговлей, выделкой кожи, ювелирным делом, торговлей, позднее - виноградарством и виноделием, сапожничали, портняжили.

Примерно в это же время часть еврейских племен вынуждена была бежать в страны Европы, так образовалась другая ветвь - евреи «ашкенази», говорящие на идиш.

Обычаи горских евреев отличались от обычаев ашкенази: допускалось многоженство, кровная месть, выплата калыма. Говорили они на татском или фарсидском языке. Небольшая часть горских евреев при переселении приняла магометанство, но в основном, были верны Моисею и получили название «догчуфут», или «чугур» - горские евреи, а язык их состоит в ближайшем родстве с персидским, фарси, лезгинским, особенно, тюркским. В нем встречаются и ивритские слова, такие как «шабат», «шалом», «тора», «кидуш», «рабби», «лехаим», «янкипур». Обычаи горских евреев обогатились обычаями тюркских народов: гостеприимством, дружелюбием, омовением ног, крепкими родственными связями, взаимопомощью, разделением беды и радости, общительностью. Считается, что горские евреи относятся к женщинам, как к людям второго сорта. Да, от женщины требуется быть верной женой, матерью, хранительницей очага и национальных обычаев, но она, безусловно, является стержнем семьи. Прежде чем сосватать жену, узнают, что представляют собой ее бабушки, дедушки, родители, ближайшие родственники. Но при этом сохраняется

основной святой обычай: жена дается своему мужу на жизнь, но не муки и страдания. Считается, что мать – это вечный корень, дающий всходы и приносящий плоды.

В течение пяти столетий мои предки – горские евреи – развивались, учились, становились более образованными. Среди них уже встречались учителя, купцы, ремесленники. Но все же относились к зависимому словию с ограниченными правами. Так, например, они не могли иметь приусадебных участков, своей земли. Джугуры всегда помнили Талмуд и согласовывали свою жизнь с ним, оставаясь конфессиональной этнической группой. Но группа эта не была обособленной и изолированной от своих соседей – народов Кавказа, уважая и впитывая язык, привычки, обычаи тех, кто жил с ними рядом.

К началу двадцатого века мои соплеменники уже прочно поселились на Ставрополье в станицах: Усть-Джегута, Зеленчукская, Учкулан, Учкекен, Теберда, Джеганас и в ауле Усть-Джегутинском. Мой народ умел обустриваться. Вскоре появились скромные глиняные и саманные (турлучные) домики, ремесло. С соседями жили в мире и согласии, но грянула Гражданская война с еврейскими погромами. Атаман Шкуро полностью уничтожил село Джеганас, да и все другие поселения пострадали. Только небольшая часть моего народа, а с ним и мои предки, спаслась бегством в район города Моздока.

На голом месте были обустроены села Богдановка, Меньшинское и поселок Гоншатовка. Впоследствии появились колхозы, где люди работали добросовестно, и урожаи были неплохие, но голод и нищету победить удавалось не всегда. И в тридцатые годы многие семьи и мои родственники вновь вернулись на Кубань, на прежние места проживания.

В 1930 году умер мой дедушка, и родилась я. Ожидали мальчика, чтобы назвать именем деда. Когда мне было шесть месяцев, семья переехала в Микоян-Шахар (при закладке города присутствовал Микоян). Затем го-

род передали Грузии, он стал называться Клухори, после войны город вернулся в Россию и получил имя Кара-чаевск-на-Кубани.

Папин брат, дядя Жора (Ирмие), переехал в аул Джегутинский, который сыграет впоследствии колоссальную роль в жизни моей семьи.

В Микоян-Шахаре прошло все мое довоенное детство. Это был компактный уютный городок. Так сложилось, что я не была заграницей, но мне кажется, что он был похож своей ухоженностью и уютом на европейский город. Микоян-Шахар расположен как бы на острове, который омывался с двух сторон реками Кубанью и Тебердой. Опоясав город, реки сливались в одну, и это уже была Кубань.

Теберда стекала с гор, образуясь от таяния льдов, цвет воды в ней был сказочно голубым. Кубань уже успела пронести свои воды по глинистым почвам, они были коричнево-серыми. Сливаясь, реки еще долго текли как два параллельных рукава разного цвета, пока не становились цвета вод Кубани. За реками вокруг городка расположились сказочные горы. Через Кубань были подвешены канатные мосты, их почему-то называли кладки. Мост состоял из редких досочек с просветами между ними. Переходя мост надо было держаться за подвесные канаты, как за поручни. Обычно мы переправлялись группой в пять-шесть человек, мостик раскачивался, все визжали от страха. Можете представить, что испытывала я, учитывая, какой «храброй» я была. Большую часть свободного времени мы проводили в лесу. Сезон начинался со сбора подснежников и ландышей, а затем - ягоды: барбарис, терн, кизил; потом - фундук, а позже - дикие яблоки и груши. О ягодах для варенья бабуле не надо было заботиться, да и о чае тоже, который заваривался только из ягод и трав. Я не помню названия растения, у которого были розовые и коричне-

вые соцветия. Из розовых соцветий варили молочный чай, похожий на какао, а из коричневых - похожий на кофе. У бабули зимой висели охапки этой травы. Мы собирали много корня валерианы, особенно в первые годы войны. Я писала, что городок был очень красивым, уютным, нарядным, утопающим в цветниках. Вечером стоял звон птиц, стрекоз, а светлячки были нашими драгоценными украшениями. Клумбы были разных форм, и, что удивительно для того времени, они были с подсветкой.

У подножья одной из гор, на большой лужайке проводились маевки и все торжества. Все население города выезжало на природу, были павильоны со сладостями. Велосипед по тем временам был престижным видом транспорта. Мы к маевке с папочкой украшали наш велосипед, обматывали все спицы красным материалом. Я гордо ехала впереди папы с флажком и шарами в руках. Это было счастливое беззаботное детство.

Первые годы мы жили в старом двухэтажном доме, в двухкомнатной квартире вагончиком, с печным отоплением. Мама с папой разошлись, когда мне не было еще трех лет. По настоянию папочки я осталась жить с ним и с его мамой. С нами вместе жили папины сестры Азочка и Марийка. Маму я помнила очень смутно. В памяти осталось, что я с ней на Каменноострском мосту и канючу, чтоб она взяла меня на руки. Больше воспоминаний о ней у меня не было, увидела я ее в семилетнем возрасте. Естественно, что бабулю я называла мамой, была всегда ее помощницей. На полном основании могу считать, что ягодами для варенья нашу семью обеспечивала я. Мариечка почему-то не принимала участия в наших вылазках. Перед началом войны мы уже жили в благоустроенном доме, сейчас сказали бы — в элитном. Трехкомнатная квартира, балкон из кухни, лоджия. Но я, все равно, продолжала упорно носить из леса вязанки хвороста: протягиваешь на земле веревочку, укладываешь на нее хворост концами в одну сторону, затягиваешь веревочку, перебрасываешь вязанку через плечо и

тащишь по раскачивающейся кладке. Душа замирает от страха, зато дома бросаешь вязанку с чувством выполненного долга во дворе у кирпичной печи, полновластной хозяйкой которой была бабуля. Какое пиршество было, когда варилось варенье или повидло. Мне жаль современных детей, они не могут получить удовольствия от этих простых природных и чистых лакомств. На этой печи я готовила в детских кастрюльках еду папочке. Он всегда расстраивался, что я таскаю вязанки, ведь в квартире было центральное отопление, зато я всегда ловила на себе одобрителный взгляд бабули, которая поощряла любой труд, а я с удовольствием помогала ей во всем. Я вязала носочки, (особенно трудно было освоить вывязывание пятки), платки из шерстяных ниток с узорами и бахромой (пучок ниточек завязываешь по краю платка особым узелком). Особенно мне нравился процесс рождения стеганых одеял. На пол раскладывается чехол одеяла, потом надо было на него ровным слоем разложить вату. Эту ответственную процедуру бабуля доверяла мне. Мое сердечко замирало, когда два уголка будущего одеяла надо было аккуратно завернуть рулетиком и постепенно выворачивать наружу лицевой стороной, как перчатку. Теперь волшебницей становилась бабуля. Надо было нанести узор, а затем простегать его. Так мы с бабулей шили, вязали вещи для реализации на рынке. Это была реальная помощь папе, который один работал и обеспечивал большую семью из пяти человек. Я на всю жизнь запомнила бабулины уроки, она говорила: «Старайся делать все как можно лучше, не торопись. Никто не спросит у тебя, как быстро ты это сделал, но каждый увидит, насколько хорошо ты это сделал». Я до сих пор цитирую ее своим детям. Бабушка была добрая, мудрая, щедрая. Она нас не наказывала, но если уж мы выводили ее из себя, угрожала, что пойдет и утопится в Кубани. Какие тогда были наивные дети! Я плакала от ужаса, что она приведет угрозу в действие, и наступала ее очередь успокаивать меня и утешать.

Бабуля любила ходить в парную, я дожидалась ее дома, ставила на печку чайник, накрывала стол: сахар, варенье, чашки. Как только чайник начинал гудеть перед закипанием, я, пугаясь, убегала во двор и была счастлива, когда появлялась раздумавшаяся и такая просветленная бабуля. Она, видя мои приготовления, улыбалась, лишних слов не было. Но ее молчаливая благодарность была для меня верхом счастья. Очень редко она могла отругать нас за излишнюю резвость или беспорядок, я сразу начинала плакать, а она меня успокаивала. Эти счастливые моменты примирения и сейчас стоят передо мной. Меня, девочку, часто напоминала Леценька в детстве.

К бабуле все приходили со своими бедами. Она лечила от малярии, от сглаза и испуга. Лечила и просто добрым словом. К сожалению, я ничего из этого у нее не переняла, не помню, какие травы она использовала, что делала с оловом и воском. Видела, но использовать этого не могу.

В то время дети подолгу играли во дворе, предводителем всегда была Марийка, вечно в роли Чапаева. Домашние дела, в отличие от меня, ее не интересовали, недаром она стала потом государственным человеком. Когда играли в прятки, я могла спрятаться и уснуть, пока меня ищут. Зато я любила устраивать концерты. В ход шли бабулины национальные наряды. Мы еще жили в старом доме, сценой была веранда на втором этаже, и все зрители приходили со своими стульями. Мы пели, танцевали, декламировали. Потом все это пригодилось, когда мы стали выступать перед ранеными в госпиталях.

Читать я научилась до школы. Папочка уделял мне много внимания, учил играть в шахматы и шашки (я успела осилить только шашки), приносил журнал «Крокодил» и проверял, как я понимаю тексты и рисунки. Прочитав по его совету «Всадника без головы», я была так потрясена, что вечером боялась играть во дворе, а ночью

не могла уснуть, ждала, что появится всадник. Папочку волновало, как я буду учиться в школе, ведь со своими сверстниками я говорила по-карачаевски. Без всяких лозунгов мы знали, что надо чтить традиции, обычаи и язык народа, с которым живешь рядом. Коренным населением Микоян-Шахара были карачаевцы - честные, доброжелательные, порядочные люди. Вся моя семья знала карачаевский язык. Дома мы, в основном, говорили по-русски, хотя хорошо знали свой родной язык. Папа боялся, что у меня будут трудности в школе, где преподавание велось на русском языке.

В стране уже было очень тревожное время, хотя мы, дети, мало что понимали. И сегодня, когда я вижу на улицах рекламные растяжки, с тревогой вспоминаю похожие полотнища, разоблачающие все новых «врагов народа». Позже я узнала, что папа ложился спать не раздеваясь, он был ответственным работником и прийти могли в любой момент.

Шел 1938-ой год, близилась школа. Трудно поверить, но мы все с нетерпением ожидали начала учебы, в армию отправляли с радостью, проводы выливались в шумные праздники, считалось честью служить.

Готовясь к школе, обнаружили, что нет моего свидетельства о рождении. Мама много лет спустя, говорила, что, когда я родилась, был праздник, все ходили с флагами. Я потом шутила, что народ так отмечал мое появление на свет. В селе Богдановка, где я родилась, вспомнили, что я родилась на Пасху, и записали мой день рождения 15-го апреля. Но наша семья отмечает мой день рождения второго мая. Еще интереснее получилось с моим именем. Ждали мальчика, приготовили имя деда, потом решили дать мне имя Рива (Ривго), но вмешался дядя Жорочка и попросил назвать меня Зиночкой, так как ему это имя очень нравилось. Так что если с моим именем определиться удалось, то с датой рождения окончательной ясности так и нет.

В этом же году я встретилась с мамой. Эта встреча

похожа на ту, что описана в «Детских годах» М. Горького. Помню, мы играли во дворе и кто-то из детей крикнул, что приехала моя мама. Я была в недоумении, ведь моя мама - это бабуля. В смятении я до позднего вечера не могла пересилить себя и пойти домой. Но встреча была неизбежной. Я робко вошла в комнату, увидела прекрасную незнакомку: светлокожая с прекрасными большими глазами, в голубом крепдешинном платье и голубых туфлях - это было что-то нереальное, в нашей скромной жизни не было таких нарядов. Мама после развода вышла замуж за Г. Амирамова (отца известного певца Эфрема Амирамова). Муж мамы был руководителем национального карачаевского ансамбля песни и пляски, а мама была артисткой этого театра. После встречи со мной мама уговорила Григория Амирамова переехать в Микоян-Шахар, чтобы жить рядом с дочерью. Мама попросила папу отпустить меня пожить у нее хотя бы месяц. Амирамов очень любил маму, и его любовь распространялась и на меня. Они задаривали меня подарками, всюду лежали обновки, сладости, но я тосковала по своим, сидела на подоконнике, ожидая увидеть кого-нибудь из своих.

Однажды я зашла за Мариечкой поиграть во дворе и робко остановилась в дверях. Это огорчило папу, видимо, они с мамой пришли к выводу, что мне трудно привыкнуть к новой жизни, что я очень привязана к семье, в которой выросла и вскоре я вернулась домой к нашей общей радости.

Наступил сентябрь, я стала ученицей. Папа, наконец, решил жениться, несколько лет он боялся этого шага, его пугало, что у меня будет мачеха. Жена папы Рааль Лидия была заведующей библиотекой, отец ее был эстонцем, а мама - ашкенази. Лидия была интеллигентной женщиной, в 1940 году родился мой сводный брат Юра. Забегая вперед, скажу, что Лидия вышла замуж, когда папа был на фронте.

Учились мы с Мариечкой на «отлично», бабуле было

одно удовольствие ходить на родительские собрания. Мы взялись обучать бабулю грамоте, но дальше «а» и «бе» дело не пошло. Однажды, на избирательном, участке бабуля сделала вид, что читает газету, мы тихонько ей шепнули, что газету она держит вверх ногами. Дома смеялись над этим от души. Оказывается, она старалась казаться грамотной, чтобы «не осрамить» нас, как она говорила, перед людьми.

Азочка устроилась на работу, жили мы дружно, хотя Лидии, кажется, трудно было привыкнуть к нашему укладу. У бабули была отдельная посуда для молочной и мясной пищи, свинины в доме никогда не было. Однажды бабушка уехала на два дня, а Лида накормила нас супом из свинины. Я до сих пор помню «разборку», которую устроила по прибытию бабуля. А я получила такой нагоняй, что до сих пор запах лаврового листа ассоциируется у меня с тем злополучным супом.

В предвоенные годы в одном с нами в городе жила папина сестра Гызы (Федора), с мужем Худододом (Федором) и дочкой Раечкой. А также мамин брат Яша, он был женат на карачаевке, солистке ансамбля.

В эти же годы я стала посещать занятия по художественной гимнастике, танцевальный кружок, занятия по музыке. Я была маленького роста и во время гимнастических представлений находилась на верхушке столь модной тогда пирамиды, где тряслась от страха.

К школе у меня была особая любовь. Дом наш находился рядом со школой, и на переменках я бегала туда, где уже училась Раечка, моя двоюродная сестра. Завидев меня в школьном дворе, Рая строго отправляла меня домой помыть ноги, ведь бегали мы все босиком. Я торопливо бежала домой, обливала ноги водой, но предательские потеки на пыльных ногах выдавали меня с головой. И Раечка окончательно и с позором изгоняла меня домой.

Но теперь я стала ученицей, ходила в школу на законных правах, нарядная в красивой обуви. Нарядами

меня баловала мама.

Большую часть времени я проводила с Мариечкой, была хранительницей ее тайн. Однажды на лестничной площадке нас остановил очередной ее поклонник. Мария забыла, как его зовут, и тихонько по-еврейски спросила у меня. Я не растерялась, поняла, что ответить надо так, чтобы парень не догадался, о чем речь. Тогда я стала напевать на нашем языке песенку, в которой говорилось, что имя у паренька такое же, как у бабулиного козлика - Боря. Вот какой сообразительной я была, повзрослев, мы не раз смеялись, вспоминая этот эпизод.

Азочка была очень озорной веселой девушкой. Перед войной приняла участие в конном переходе через Кавказский хребет.

Мой любимый дядя Жорочка (Ирмие) жил в эти годы в ауле Усть-Джегутинском. Мы ездили к нему летом в гости. Однажды на нас напали гуси и, когда мы побежали, они меня сильно покусали. Дядя Жорочка старался меня успокоить, повел в магазин, отрезал один за другим куски ткани мне и Марийке на платье, а я, пользуясь моментом, долго плакала. Мы с дядей Жорой всегда очень любили друг друга. Однажды он приехал к нам в гости и рассказал, что отпустил много товаров в долг, а теперь ожидается ревизия, я подбежала и предложила ему всю мелочь, какая у меня была. Видели бы реакцию моего любимого дяди, как он был растроган. Закончилось это тем, что я получила от него колоссальную по тем временам сумму на мороженое - пять рублей. Мороженое стоило семь копеек.

Ездил я с бабулей в гости к другому мамину брату - Пете (Пилик) в Буденновск. Я не могла тогда и предположить, что через много лет я там буду учиться и познакомлюсь с Марочкой. И что Басаев совершит преступление именно в этом городе, захватив больницу.

А пока я блаженствовала в гостях. Дядя Петя узнал, что я люблю виноград и привез несколько паков (упаковки винограда в виде больших сит), но винограду об-

радовалась не одна я. Осы искушали меня всю, ноги так распухли, что я ходила только босиком. В результате некоторое время я не могла смотреть на виноград.

Вскоре дядю Петю арестовали. Во время свадьбы на Кавказе принято бросать деньги в ноги танцору, а на купюрах были изображения вождей. Так вот, кто-то донес, что Петр танцевал на портретах вождей. Думаю, его жизнь окончилась в штрафбате.

Дядя Жора тоже перед войной строил Беломорканал по чьему-то доносу. Об этом дома говорили мало, но после освобождения он переехал жить в Микоян-Шахар.

Очень хорошо помню, как в 1939 году приехал к нам бабулин племянник Яша (Ящайо) Призов.

Он служил командиром заставы на границе с Польшей. Высокий, красивый, статный, в форме. За ним бежали мальчишки, военные были очень популярны. Яша повел меня в магазин, купил много игрушек, куклу, которая говорила, открывала и закрывала глаза. Я была очень счастлива и горда, но почему-то запомнила, что он не платил деньги, ему записывали покупки в какую-то книжечку.

А у нас произошло событие: Азочка вышла замуж за Николая Ильханова из Дербента. Это был рослый и красивый мужчина, внимательный и нежный. Меня поразило то, как он раскалывал одной рукой грецкие орехи, казалось, без всяких усилий. Свадьба была в Дербенте, от нас ездил на нее папа. Азочка стала жить в семье мужа. Аза и Николай были счастливой и красивой парой, вся жизнь у них была впереди. Но мама Николая встретила Азочку очень настороженно, папа его жил отдельно, позже он сыграет большую роль в семье Азочки.

А жизнь становилась все суровее. Участились сообщения о врагах народа, проводили учения в противог-зах. Хлеб стали выдавать дозировано. Я бегала за ним с полотноным мешочком, на котором химическим карандашом была написана наша фамилия - Пенхасовы.

В школе нас отправляли в лес собирать корень валерианы. Мы и раньше ее собирали, но сейчас чувствовали особую серьезность этого дела. И все же, мы не знали, что стоим на пороге больших трагических событий.

Закончился учебный год. 1941 год. Раечка закончила десять классов. Не знаю, как она решила подстричься — у нее была прекрасная коса, как говорят, до пояса. Дядя Федя, заядлый лошадиник, гонялся за ней с вожжами в руках, не знаю, что он сделал бы с ней, но скоро это событие потеряло всякое значение — объявили о начале Великой Отечественной войны.

К этому времени вернулся с Финской войны папин племянник Симочка, его демобилизовали по ранению, в правую руку попала разрывная пуля. Я помню, как он тренировался писать левой рукой. Жизнь наша разделилась на периоды: до войны и после войны.

После страшного известия все, я знаю, растерялись. А Бабуля, перенесшая гражданскую войну, постоянную смену власти, успокаивала всех, что пересидим войну на берегу Кубани. Святая наивность!

Узнав, что Колю призывали на фронт, папочка пригласил Азочку жить к нам. Уже родилась Лизочка, и папа считал, что вместе будет легче жить.

Дядя Жора, дядя Федя (хромой от рождения), дядя Яша сразу добровольно отправились на фронт. Хотя папочка имел бронь, и у него было очень плохое зрение, но добился своего — и в 1941 году тоже ушел добровольно на фронт.

В доме остались одни женщины: бабуля, тетя Федора, тетя Лиза, Азочка, Раечка, Марийка, я и Лизочка. Лида, вторая папина жена, как-то отстранилась от нас.

Бабуля всех успокаивала, она имела наградную книжечку красного партизана, так как какое-то время в гражданскую войну прятала у себя Красного командира

Кочубея. Поэтому она считала себя «авторитетом» в вопросах войны.

До нас уже доходили слухи об отношении немцев к евреям, тетя Лиза неоднократно обращалась в военкомат и исполком за разрешением выехать в эвакуацию. Ее обвиняли в паникерстве, категорически запретили думать о выезде. Симочка успел уйти с отступающими нашими частями, очень уговаривал отпустить с ним Раечку и Марийку, но никто не согласился разлучаться. Разрешение на отъезд мы получили очень поздно. Наняли телегу, погрузили в основном вещи дяди Жоры (у нас ничего ценного не было, тем более Лида оставалась с Юрочкой в квартире). Миновав город, мы выехали на стационарный Каменноостровский мост, а навстречу уже ехали немецкие мотоциклисты.

Не успели мы оглянуться, как возчик бессовестным образом погнал лошадей, кто-то успел только выхватить из подводы стеганое одеяло. Мы остались только с ручными сумками женщин и в том, что на нас было надето.

«Беспроволочное» радио сообщило, что у нас в квартире поселились уже соседи, и женщины приняли решение идти дальше в город Черкесск. Там у папы, а особенно у дяди было много знакомых.

Шли все время пешком, я еще умудрялась временами нести Лизочку на руках. Тетя Лиза в своей манере кричала: «Брось это страшко, тебе тяжело!». Я огрызалась: «Она будет красивее всех!». И правда не ошиблась, хотя мне было тогда не полных двенадцать лет.

Вообще, я была настырная. Умывальник раньше представлял такое сооружение: табуретка с вертикальной доской сзади, на доске висел умывальник, в который заливалась вода, а на табуретку ставили тазик для сбора воды. Я однажды начала умываться, не проверив, есть ли вода в умывальнике, намылила лицо, попросила Марийку налить воды, она в шутку решила какое-то время не исполнять мою просьбу, затем налила воду, а я из принципа решила не мыть лицо, хотя глаза щипало,

хоть кричи. Не знаю, сколько еще бы это продолжалось, если бы не вмешалась бабуля. Вот такая я была вредная, а вовсе не пушистая и белая.

Итак, я отвлеклась. Мы шли пешком в город Черкесск уже по оккупированной территории.

Шли совершенно незащищенные. Представляю, что творилось на душе у старших – впереди страшная неизвестность, без вещей, без средств к существованию. Я, в силу своего возраста, конечно, об этом не думала. Я ощущала, что мы беззащитны, ведь с нами нет дяди Жоры, дяди Феди и моего папочки.

Я вспоминала, как провожали их на фронт. Не дай Бог моим детям, да и любому человеку провожать близких людей на войну.

Дядя Федя стоял в строю со своей личной лошадью – он ушел в кавалерию. Дядя Жорочка попал в пехоту. Папочка, как потом выяснилось, стал политработником в звании капитана.

Я могу описать свои ощущения. Мое маленькое сердечко замирало при мысли, что мне не скоро удастся гулять с папулей по городу, семена с ним рядом, делая два шага на один его шаг и счастливо заглядывать ему в лицо. Я с болью вспоминала проводы папочки. Когда он от нас отвернулся и пошел к машинам, я стала плакать и громко кричать: «Папочка, папочка, не уходи!». Я пришла в себя и замолчала, только после того, как услышала тревожные разговоры о том, что кричать вслед человеку очень плохая примета, особенно, когда он уходит воевать.

Может быть, я накликала беду? Но ведь не вернулся никто, ни дядя Яша, ни дядя Федя, ни дядя Петя, как знать...

Мы шли уже из последних сил. В Черкесске семья знакомых встретила нас настороженно, их можно было понять: уже объявили о необходимости евреям зарегистрироваться, а нас заявилось сразу восемь человек. Люди

побоялись оставить нас у себя. Женщины, посоветовавшись, решили идти в аул Икон-Халк, где жил отец Николая, свекор Азочки. Назвавшись кумыком, он поселился в этом ауле задолго до войны. Николай согласился оставить у себя Азочку с Лизочкой, и объявил всем, что к нему приехала племянница с дочкой. Старшие приняли решение идти в станицу Усть-Джегутинскую. Там до гражданской войны жила наша семья. Дедушка по папе был раввином, а уже позже дядя Жорочка жил и работал в ауле Усть-Джегутинском и перед самой войной – в Микоян-Шахаре.

В станице нас знали, в это время там жила мачеха моей мамы, она помогла найти нам комнату, где мы какое-то время спокойно жили. По закону подлости нас увидел старый знакомый нашей семьи. В свое время дедушка по субботам не разрешал нам зажигать огонь, он строго следил, чтобы его соплеменники исполняли заповеди Моисея. Бабуля не разрешала нам в субботу даже бегать, объясняя, что при беге, камушек может отскочить от ноги, удариться о другой и высечь при этом искру. Этот человек при дедуле приходил разводить по субботам огонь в печи, естественно, не бесплатно.

Но он оказался неблагодарным, видимо, решил выслужиться перед немцами, заявил в полицейский участок о том, что в станице проживает без регистрации еврейская семья. До этого на нас никто не обращал внимания, ведь мы все черноволосые, носили на головах платки, и нас нельзя было отличить от местных карачаевских женщин.

Вскоре двое полицейских под конвоем отвели нас в комендатуру.

Как сейчас помню начальника полиции: толстый, холеный, глаза навывкате – голубые. Он орал, что мы ослушались и не стали до сих пор на учет, не носим повязки. Он приказал каждый день приходить на работы, убирать в полицейском участке и церкви, которую приспособили под конюшню.

У Раечки на пальце было обручальное колечко тети Федоры. Начальник полиции спросил, что это такое. Раечка дерзко ответила, что это кольцо ее жениха, который воюет на фронте. Все замерли, но в это время в кабинет ввалились несколько полицейских и отвлекли внимание от нас. Нас отвели под конвоем домой, и приказали никуда не уходить.

Бабуля достала свиток с молитвами (по-моему, Моги́н-Довид), отрезала маленькие кусочки, зашила каждому в одежду, а один кусочек незаметно закрепила над дверью. Она мне много рассказывала библейских историй, о еврейских погромах в гражданскую войну. Став взрослой, я удивлялась, как безграмотная бабуля, знала столько библейских сюжетов, с которыми я знакомилась в книгах позже.

Итак, нам пришлось носить повязки. Я сейчас их плохо помню. По-моему, на желтых повязках пришивались яркие шестиконечные звезды.

Несколько раз к нам заходили молодые немецкие солдаты, очень лояльно пытались общаться с Раечкой и Марийкой. Я навсегда запомнила их кованые ботинки.

Уже будучи взрослой и замужней, я часто видела их во сне. Марочка не был в оккупации, но, смеясь, говорил, что я его «заразила», он тоже стал видеть немцев во сне. Видимо, у нас была большая духовная близость.

Кроме нас на работы ходили еще несколько еврейских женщин с детьми и русские жены командиров Красной Армии. Помню, девочки спросили шепотом у одной из них, где ее муж, она, оглянувшись, нацарапала на стене звездочку. Мы поняли, что он воюет.

Не знаю, как крутились наши взрослые, средств почти не было, жили впроголодь, хотя местные жители старались в меру сил нам помогать.

На запрос, что делать с горскими евреями, из ставки Гитлера ответили, что разницы между черной и белой собакой нет, надо всех уничтожить.

Наступил день, когда нам объявили, чтобы мы взяли с собой все ценное и нас будут всех отправлять в гетто. Я еще своим говорила, что мы там увидим маму Сару. Она находилась в оккупации в городе Кисловодске в семье артиста из ансамбля, ее выдавали за карачаевку, тем более что это было легко сделать, она хорошо знала карачаевский язык.

Ничего ценного у нас не было. Бабуля достала немного кукурузной муки, сахара, сливочного масла, приготовила домашней халвы и разложила в шесть одинаковых маленьких сумочек, пошитых из материала. Дала каждому из нас по одной сумочке. Она предполагала, что судьба может разбросать нас, это был паек хотя бы на первые два-три дня. Видимо, уже и бабуля не верила, что можно войну переждать на берегу Кубани. В течение трех суток полицейские сопровождали нас утром в полицию, вечером – домой.

На третий вечер, когда мы возвращались домой, на нас обратил внимание начальник жандармерии аула Усть-Джегутинского. Он осторожно спросил, чью семью сопровождают полицейские. Ему объяснили, что это мама, жена, сестра и племянницы Жоры Пенхасова.

А обстановка неуволнимым образом менялась. Беспокойно вели себя полицейские, участились бомбардировки, видимо, на всю жизнь осталось ощущение, что где бы ты не находился – бомба летит именно на тебя. Люди стали шептаться, что скоро придут «наши».

Дальнейшие события в моей жизни выглядят неправдоподобно, как в сказке. Но они произошли по Божьему проведению. И я убедилась, что бескорыстное добро вознаграждается Всевышним.

В то время я, конечно, не мыслила такими категориями, ведь я была двенадцатилетней девочкой, в жизнь которой вторглись жестокие силы. Все, что со мной произошло, я смогла осмыслить, только став взрослой.

Вернусь к далеким событиям. В годы раскулачивания мой дядя Жорочка, живущий в то время в ауле

Усть-Джегутинском, смог уберечь одного карачаевского мальчика от высылки, когда репрессировали его семью. Мальчик остался без родственников, но дядя Жорочка заменил ему всех. Он приютил его у себя, помог встать на ноги и не выпускал его из поля своего зрения. После освобождения из заключения, дядя Жорочка переехал жить в город Микоян-Шахар, но парень уже смог жить самостоятельно.

Во время оккупации немцы назначали на официальные должности людей, пострадавших от Советской власти. Таким образом, Захария без особого желания стал начальником жандармерии аула Усть-Джегутинского.

Узнав, кто мы такие, он решил нам помочь, ибо знал, что нас ожидает впереди. Ночью мы слышали осторожный стук в окно. Голос на карачаевском языке посоветовал нам уйти из станицы. Он предупредил, что нельзя уходить всем сразу, а надо разделиться по двое и уходить через вырытую яму под забором.

Мы рискнули довериться незнакомому человеку, которого даже не видели, и последовали его совету идти в аул Усть-Джегутинский. Мы уходили через яму под забором. Последними ушли тетя Федора и тетя Лиза.

Но утром наш «доброжелатель» первым обнаружил наше отсутствие, по его сигналу за нами выслали двух конных полицейских. Они успели засечь издали тетю Федору и тетю Лизу. Но женщины не растерялись – они уселись на корточки, изображая гигиеническую процедуру, обязательную для мусульманок. Всадники ошиблись, они приняли их за карачаевских женщин и повернули обратно.

Несмотря на ранний час, недалеко от аула нас ждал молодой человек, который отвел нас в ближайший дом. Мы прятались на чердаке и каждые две-три ночи меняли наше местоположение. По-моему, мы так прожили два или три месяца. Все относились к нам очень доброжелательно, а ведь им приходилось нас еще и кормить.

Захария был удивительным человеком. С его помо-

шью в ауле пережили опасное время еще несколько еврейских семей. Он не выдал ни одного коммуниста и комсомольца, ни одной семьи командиров Красной Армии. Он мог обидеться на Советскую власть, но он оказался верен своей Родине, своему народу, прошу простить за высокопарность, но я не могу иначе писать о нем. Что ожидало бы нашу семью, если бы он не помог нам.

Как потом выяснилось, все три дня, которые ждали отправки в гетто, были просто отговоркой. Из Черкесска не смогли прислать душегубку, т.к. она была «загружена работой».

Итак, ночью мы ушли в аул, а наутро в девять часов, не дождавшись душегубки, всех кто, как и мы был на учете в полицейском участке, вывели за ограду церкви и расстреляли. Таким образом, мы спаслись чудом.

Наконец нас освободили наши войска. Я почему-то запомнила: фамилия у командира была Жуков. Он посетил всех, кого спасли в ауле. Он же и сообщил нашим женщинам о том, что всех наших родственников в селе Богдановка расстреляли или бросили живьем в колодец. Я вернусь к этому позже.

Я никогда не забуду бабулю, тетю Лизу, тетю Федору в трауре. Они сидели полукругом с распущенными волосами, головы посыпали пеплом, били себя по коленям, царапали лица. А тетя Лиза причитала по-еврейски. Это был плач по погибшим. Тетя Лиза перечисляла поименно всех погибших, вспоминала достоинства каждого и все в рифму. У нее был удивительный дар, редко кому присущий.

Мы, младшие, тоже плакали, масштаб горя не очень понимали, но невозможно было спокойно смотреть на наших старших. Я и сейчас, вспоминая все это, плачу.

А тогда мы еще не представляли, сколько еще горьких событий ожидает нас в жизни.

Настал момент – мы поблагодарили своих спасителей, и наша семья переехала в станицу Усть-Джегутинскую,

так как мы надеялись, что туда могут придти письма от наших дорогих мужчин.

Вскоре нас постигло ужасное потрясение – началась депортация карачаевцев. По приказу Сталина планомерно переселяли немцев, крымских татар, чеченцев и карачаевцев. У всех перечисленных народностей в каждой семье воевали сыновья, братья, отцы, внуки. Среди них было очень много героев и орденосцев. Но, к сожалению, это не имело никакого значения, никому не было снисхождения.

Картина их высылки почему-то ассоциировалась у меня с довоенным событием: было полное солнечное затмение и легкое землетрясение. Стало темно, животные, как безумные, лаяли, блеяли, мычали. Но скоро стало светло и все успокоилось. А сейчас было страшно от начала и до конца.

Населенный пункт организованно оцепили: по периметру стояли солдаты с ружьями и сторожевыми овчарками. Тот же рев животных, плач взрослых и детей. Люди шли с тюками на руках, с небольшими узлами. Помогали идти немощным старикам. Всех заталкивали в товарные вагоны, времени на погрузку давали очень мало. Вскоре поезд ушел. Не дай Бог пережить когда-либо такое...

Оставшееся население плакало над судьбой народа, с которым, по существу, сроднились. Наша семья пыталась узнать о судьбе Захария (если я не правильно помню его имя, пусть он меня простит), доказывали скольких людей он спас, но в ответ тете Лизе пригрозили, что если она не прекратит ходить к ним, ее просто отправят по тому же маршруту. Пострадавшие все были достойны лучшей участи, но депортированы были все без исключения, несмотря ни на какие заслуги. Мы все причастны к их несчастью, ибо все, что происходило с нашим народом, делалось с нашего молчаливого согласия, ведь должны были понять, что происходит неестественная расправа с людьми. Такое было время...

Когда им всем разрешили вернуться, к нам зашел сверстник Мариечки, живший до этого в городе Микоян-Шахаре — Джириков. Его фамилию я почему-то запомнила, видимо была уже старше. Он рассказал об ужасах, которые происходили. Выжил только каждый четвертый. Везли в товарных вагонах, в полу выдирали кусок доски — это был импровизированный туалет. Зная нравы и обычаи карачаевского народа, я с ужасом представляю, какие унижения переносили мужчины и женщины, ведь они привыкли к целомудренному образу жизни.

Поезд останавливался только примерно один раз в две недели в безлюдных местах, чтобы выбросить трупы. Люди по приезду в Казахстан погибали еще и от голода и холода, ведь у них не было с собой теплой одежды. Он рассказывал нам, что с ним вернулось обратно очень мало людей. Их дома были заняты переселенцами, а крымских татар и греков, вообще не пустили в Крым. Они не могли поехать в Керчь даже просто в гости.

Теперь о нас. Через какое-то время мы получили весточки от папы и дяди Жорочки. Мы с Мариечкой возобновили учебу в школе, работали на полях, помогали раненым в госпиталях. Глядя старые фильмы, все считают, что там все приукрашено, но на самом деле люди жили на подъеме, ведь они дождались освобождения от немцев. Урожаи свозили сдавать на приемные пункты в нарядных машинах с флагами, транспарантами.

А как мы готовили избирательные участки к выборам! Всю ночь мы, ученики, украшали залы, это были праздники, окрашенные ожиданием скорого окончания войны. Несмотря ни на что, народ верил в хорошее, была идея, о которой сейчас много говорят.

Дядя Жорочка в весточках своих просил смотреть за мной хорошо, так как ему казалось, что я бледненькая. Только сейчас я могу по-настоящему оценить его доброту и заботу, находясь в таком аду на фронте, он еще находил возможность думать обо мне. Папочка после ранения, подлечившись в госпитале в Тбилиси, подле-

жал демобилизации, но он приехал в Москву, добился, чтобы ему разрешили воевать, и попал временно на станцию Гудермес, ожидая отправки в свою часть. Тетя Лизочка поехала со мной к папочке в часть. Он знакомил меня с солдатами, я обедала с ними, потом он подарил мне много боевых листков, и я долго выпускала на них школьные стенгазеты. Это была наша последняя встреча, посланная Богом как подарок. Дядя Жорочка вернулся в сорок четвертом году, блиндаж, в котором он находился, попал под бомбежку, он получил ранение и потом всю жизнь страдал от болей в позвоночнике.

К тому времени мы немного обжились, был огород, купили козу, появился свой сыр. Дядя Жорочка покупал барашек, шкуру сдавал, мясо почти все шло на продажу, нам оставались только субпродукты, но это было большим подспорьем. Нам была уже доступна кукуруза, была своя крупорушка, делали кукурузную крупу. Картофель был свой с огорода, можно было жить. Бабуля покупала пару стаканов кукурузной муки, и мы, мокнув в нее пальчик, облизывали его.

Дядя Жорочка собрал вокруг себя детей: меня, Марийку, Юрочку (забрал у матери, оформив опеку), Лизочку, почти постоянно с нами жили племянники тети Лизы — Соня, Миша и Вера. С нами жила бабуля и очень много времени с нами проводила Азочка. Мы снимали квартиру: две комнатки и небольшая верандочка. Было тесно, но тогда это было нормой.

Таким образом, дядя Жорочка и тетя Лиза собрали у себя детей своих братьев и сестер, воспитали и дали им образование. Я, как всегда, любила помогать бабуле. Мазала глиняные полы, все подхваливали меня, что хорошо получается, а я старалась еще пуще. Чтобы избавиться от запаха (ведь в глину добавляется коровий помет), я шла на берег Кубани, рвала много полыни и чабреца, разбрасывала все это под кровати и топчаны (самодельные кушетки), и в квартире стоял такой аромат!

Мы с Мариечкой стали задумываться над тем, как облегчить жизнь нашей семье. Учиться в школе десять лет мы не могли себе позволить, ведь у дядя Жорочки было плохое здоровье. Несмотря ни на что он предлагал нам с Марией окончить десять классов. Но Мариечка поступила в медицинский техникум. Я была уже в шестом классе, но после восьмого тоже решила получить специальность. Юра позволил себе закончить десять классов и поступить в дальнейшем в юридический институт в Саратове. Папочка присылал открытки с видами городов, которые он освобождал: Ужгород, Львов (они и сейчас сохранились у меня). Перед концом войны, мне приснился сон: какой-то солдат рассказывал, что папу ранили в голову. Бабуля долго плакала, когда я рассказывала о нем.

Наконец, наступила долгожданная Победа! Незнакомые мне люди обнимались, многие, и я в том числе, громко плакали. Это был действительно праздник, со слезами на глазах. Плакали не даром. Не вернулись домой папочка, дядя Федя, дядя Яша, дядя Петя.

У нас остался один дядя Жорочка и его племянник Сима (Симха). О папочке получили сообщение, что он пропал без вести. Примерно мы знали, что он погиб в Чехословакии уже после Победы. Повзрослев, я делала много запросов и один ответ из города Вышнув у меня сохранился. В нем сообщили, что могилу с прахом капитана Пенхасова С.Я. не обнаружили.

Мы были в своей горе не одиноки. Многие семьи осиротели, но люди жили дружно. Была взаимовыручка, все сочувствовали друг другу, делились всем, что у них было. Жизнь продолжалась.

Вернулся Николай, муж Азочки. Но семейная жизнь у них уже не сложилась. Распался брак и у мамы с Гришей.

Близилось время моего отъезда. Жалко и страшно было расставаться с родными, с соседями, которые были

как родственники. Замков на дверях ни у кого не было, если уходили из дома, то в щеколдочку просовывали щепочку и люди знали, что дома никого нет.

Страшно и трудно было уезжать из такой среды, к чужим людям, жить там самостоятельно, а мне было всего семнадцать лет. Поступать в техникум я поехала с Марийкой. У меня был небольшой фибровый чемоданчик, в нем немного кукурузной крупы, семечек, сухарей. Из обуви у меня были кирзовые сапоги и чуваки на лосевой подошве. В очередной приезд в гости мама купила отрез и по моей просьбе пошили мне шинель. Так я отправилась «в люди».

Экзамены я выдержала на отлично. Я стала студенткой. Мария уехала домой, предварительно подыскав мне квартиру. Я жила с хозяйкой тетей Полей, ее дочерью Таней и сыном Николаем в одной комнате. Их папу посадили по доносу соседей, и он так и не вернулся из заключения. Жила я на стипендию, питались все вместе. Четыре года я прожила с этой семьей, никогда мы не ссорились, у меня на всю жизнь сохранились самые теплые воспоминания о них.

В группе со мной учились мои сверстники, ребята, вернувшиеся с войны, девушки, которые имели перерыв в учебе по разным причинам. Я много и охотно помогала этим ребятам учиться, потому что закончила восемь классов на отлично. Я занималась с ними по математике и физике.

Когда я потеряла продовольственную карточку на один месяц, они вместе с преподавателями помогли мне продуктами, такая вот была взаимовыручка.

В 1948-ом году отменили карточки на хлеб, стало намного легче, но питание было очень скудное. Хлеб, намазанный растительным маслом и посыпанный солью или сахаром, был лакомством. В торжественные дни тетя Полечка пекла нам пампушки в русской печи. Квадратики дрожжевого теста, внутри сушеный виноград, все это помещалось в котелок и ставилось в русскую печь,

лучшего лакомства мы не знали.

Учиться было трудно: не хватало учебников, конспекты писали на старых книгах, видимо, поэтому у меня плохой почерк, но готовили грамотных специалистов. Техникум имел свои подсобные хозяйства – винный завод и виноградники.

За каждым студентом закрепляли по три ряда виноградника и он должен был провести все операции на своем участке: открытие винограда (была укрывная зона), подвязка, обрезка, рассчитать нагрузку на куст, чтобы виноград вызрел, затем уборка урожая и по его количеству и качеству ставилась оценка. На заводе мы самостоятельно проводили цикл производства вина. От поступления винограда до получения готового продукта. Директором техникума был Федор Андреевич Коваленко. Местные жители называли его «хозяин». В шесть часов утра он со своей овчаркой обходил виноградники, винзавод. Поэтому везде был образцовый порядок.

Несмотря на все бытовые трудности, жизнь студентов была очень насыщенной: спортивные мероприятия, художественная самодеятельность, танцевальные вечера. На моем курсе учились одаренные ребята: Яша Гутман, Миша Красовский, Женечка Бурштейн, Миша Самохвалов, Юра Меламед, его старший брат, вернувшийся с войны, Измаил, Саша Данильянц. Наши концерты были самые интересные, курс отличался своей активностью и в конце учебы моей, наш курс имел имя нарицательное – «четвертый технологический». Я стала встречаться с Юрой Меламедом. Это был симпатичный парень и наш комсомольский лидер. Я нравилась его брату Измаилу, и он упорно приглашал меня на фаршированную рыбу к их родителям, я почему-то оттягивала эту встречу и, как оказалось позже, не напрасно.

Когда я ехала домой на каникулы из своей скромной стипендии везла всем шоколадки и мечтала, что когда стану работать, наемся обязательно шоколада. Забегая вперед, скажу: не получилось – Марочка еще учился, у

нас жил и учился его брат Алик, родилась Майечка, с нами жила мама, мы жили на частной квартире, а работала я одна, было не до шоколада.

Сколько было обоюдной радости при встрече с моими родными! Дядя Жорочка купил мне первые в моей послевоенной жизни туфельки – парусиновые, коричневого цвета, с носочком и каблукчиком из кожзаменителя. А мама приехала со мной повидаться и из подаренного ею отреза мне пошили шикарную юбку «колокол» с бретельками. Сейчас смешно читать эти строки, но в то время были такие ценности.

Мариечка повела меня к гадалке. Стоял круглый деревянный столик, на нем обозначены буквы и перемещающаяся стрелка. Марийка спросила: «Как зовут будущего мужа Зиночке?». Когда сложились буквы, на которых останавливалась стрелка, получилось имя «Марк». Мы посмеялись с Марийкой, потому что не знали даже, что существует такое имя. Вот и не знаешь верить или нет гаданию.

Закончились каникулы, и я уехала на встречу своей судьбе. Начался новый учебный год – 1948-1949. Ярким событием стало появление в техникуме Марка Сигала и Саши Гибелинды с двумя девушками – «двоюродными сестрами». Они напоминали гастролеров. Вскоре девочки уехали, остались ребята. Марк впоследствии рассказывал, что они обратили на меня внимание, потому что им рассказывали об очень серьезной еврейской девушке.

На Новый год устраивался карнавал с костюмами. Я, как чувствовала, очень кропотливо готовила себе костюм «Ночь». Покрасила много метров марли в черный цвет, вырезала очень много звездочек из фольги, головное украшение в виде полумесяца. Много вечеров я нашивала звездочки на сшитое мною платье. Нашелся старинный кружевной шарф тети Полочки, я смастерила очки – маску для лица. Ангелы руководили мной, они готовили

меня к самой главной встрече в моей жизни.

Начался бал. Все обращали внимание на «звезду» нашего техникума Сигала Марка, который приглашал меня все время танцевать. Он так и не смог узнать у ребят, кто с ним танцует, они хранили мой секрет, и я оставалась в этот вечер «незнакомкой». Под утро Марочка извинился, сказал, что уйдет на несколько минут и скоро вернется, но так я его больше в эту ночь не видела. Много времени спустя он рассказал мне, что побежал за коробкой конфет, чтобы угостить меня, прилег на минутку и уснул. Так будет всегда, все наши друзья знали, что Марочка не мог досидеть до конца наших застолий и умудрялся под утро немного поспать.

В эту новогоднюю ночь он покориł мое сердечко. Это был самый элегантный студент. Он танцевал лучше всех, и я уже понимала, что это моя судьба. Юра заметил мое смятение, выговорил, что я много танцевала с этим Марком. Я огрызнулась, что надо научиться самому танцевать. Я написала Мариечке письмо, что как не странно, познакомилась с парнем с именем Марк, что он танцует лучше всех, что он спортсмен и т.д. Она сразу поняла, что я влюбилась.

Наступили каникулы. Все разъезжались по домам, моей однокурснице Софье Ильиной некуда было ехать. Я без всяких раздумий пригласила поехать со мной. Я ни минуты не сомневалась и знала, что моя многочисленная семья встретит ее приветливо и тепло.

До станции Минводы с нами ехал Марк. Он часто заходил к нам в купе, и я даже не допускала мысль, что он может интересоваться мной, думала, что ему интересна Софочка. Наконец, мы дома. Я была благодарна своим близким, за теплый прием Софочки. Мы прекрасно отдохнули и вернулись к занятиям. К моему удивлению Марк часто стал провожать меня с занятий. Приглашал в кино, я стала болельщицей на стадионе: он бегал стометровку, участвовал в эстафетном беге, играл в футбол, волейбол.

Однажды, во время соревнований, Марк и его друзья сбросили мне в подол юбки все свои часы. По окончании соревнования, я встала и спокойно пошла, оставив все часы на земле. Конечно, мы их не нашли, я так горько плакала и не подозревала, что это только начало: всю жизнь теряла кошельки, сумки и т.д. Справедливости ради, надо сказать, ребята меня совершенно не ругали.

Я поняла, что в моей жизни произошло самое главное событие – я влюбилась в Марочку и поняла, что это на всю жизнь. Надо сказать, что наш ловелас тоже изменился в лучшую сторону. Он стал почти все время проводить со мной, серьезнее относиться к учебе, даже его родители заметили это и как-то у них эти изменения ассоциировались со знакомством со мной.

У Марочки был прекрасный костюм. Отец купил ему его с выигрыша. Я решила, что он грязный, постирала его, выгладила, не знаю, как я на это решилась. При первой встрече со мной Зинаида Михайловна рассказывала, что была поражена, когда Марочка, приехав домой, бережно развешивал свой костюм и всем рассказывал, что это Зиночка постирала и выгладила костюм.

Я решилась – с Юрой перестала встречаться. Меня осуждали все: его брат Изя, все однокурсники, так как считали Юру надежным, серьезным парнем, а Марочка в их глазах оставался лучшим, галантным танцором, спортсменом, но для будущей совместной жизни – легкомысленным. Но я знала одно: это моя судьба, мой самый любимый человек, и слава Богу, никогда не пожалела о своем решении. Много лет спустя, наши бывшие студенты не верили, что из Марка получился замечательный муж, отец моих детей, ответственный человек.

В 1950 году Марочка с трудом уговорил меня заехать в Ессентуки, когда буду ехать на каникулы. При моей стеснительности мне не легко было согласиться на это, но Марочка умел убеждать. Родители его встретили меня сдержанно, но устроили семейный обед, пригласив тетю Розу, дядю Яшу, тетю Анюту, Фаню, Розу, были Алик и

Славик, и в своей комнатке лежала бабушка Ида. Кстати, впервые на этом обеде я попробовала гуся с яблоками и была в недоумении – как можно есть сладкое мясо, впоследствии это блюдо стало коронным у нас в доме.

В конце обеда, воспитанная на уважительных традициях Кавказа, я встала и поблагодарила всех за прием. Меня поразила резкая реакция Михаила Марковича: «За что благодарите?». Я поняла: они испугались, что считаю себя, чуть ли не членом их семьи. Марочка, мой дорогой человек, почувствовал мое замешательство и предложил мне пойти на прогулку. Когда мы вернулись, гостей уже не было.

Я помыла бабушке Иде голову, причесала ее, убрала у нее в комнатке. Родители Марка жили очень скромно, как и все в эти годы. Я уехала, мы с Марочкой договорились попроситься на практику вместе в Иноземцево.

Началась практика. Мальчиков наших баловали работники винного завода. Однажды ребята не рассчитали свои силы, и нам, девочкам, пришлось их сопровождать домой. Меня, как самую «везучую», укусила собака. Мне пришлось перенести тридцать уколов, очень болезненных, в живот.

Когда вернулись к учебе, однокурсники издевались надо мной, они ставили на стол воду и просили на нее смотреть. Они вычитали, что при бешенстве, человек не может смотреть на воду. Вот такие были «хохмы».

Много лет спустя, возможно, в 1986 году, во время застолья по поводу встречи Нового года, Санечка Демченко предложил мужчинам рассказать, что конкретно толкнуло их жениться на своей избраннице. Марочка рассказал подробно о событиях, произошедших с нами на практике, и объяснил, что не мог просто не жениться на мне, что вопрос был решен окончательно и бесповоротно после перенесенных мною тридцати болезненных уколов. Все рассказывали свои истории, веселились! Сейчас из этой компании остались в живых только я и Галочка Боброва.

Я отвлеклась. Марочка, провожая меня, попросил выйти за него замуж. Я только могла мечтать об этом. Конечно, дала согласие, но поставила условие, что Марочка должен приехать к нам в Усть-Джегуту и попросить согласия дяди Жорочки и бабули на мое замужество. Я представляю, сколько усилий стоило Марочке убедить своих родителей сделать этот шаг. Они далеки были от обычая сватать невесту, кроме того, они были убеждены, что нам еще очень рано жениться. Только теперь я их понимаю. Нам было по двадцать лет. Кроме того, у Марочки была материальная возможность продолжить учебу в институте, естественно, они боялись, что ранняя женитьба может помешать этим планам.

Я приехала домой, пока не стала говорить о предложении Марочки, но вскоре он к ним приехал со своей мамой Зинаидой Михайловной.

Представляю, чего им стоило уговорить на этот шаг Михаила Марковича. Зинаида Михайловна была очень деликатной женщиной. Она полностью подчинялась мужу, тем более можно ей только восхищаться, что она все-таки поехала с Марочкой на это странное для них мероприятие – сватовство... Но я была счастлива, что мне удастся получить официальное согласие и благословение моих самых дорогих людей – бабули и дяди Жорочки. Ведь Мариечка вышла замуж за русского и без особого на то согласия наших старших.

Семья наша приняла очень тепло наших дорогих гостей. Это была нормальная для них ситуация, тем более, Марочка был еврейским мальчиком. Вначале, увидев его голубые глаза, бабуля испугалась, подумала, что он русский, я тихонько прошептала ей, что он «ашкенази», бабуля успокоилась. Мои родственники на семейном совете дали согласие на наш союз. Свадьбу мы могли устроить в любое удобное для нас время. Дети наши были в восторге от этого события. Лизочка, самая бойкая из всех, чтобы ничего не пропустить из этого важного события, все время беседы висела в проеме чердака, пока кто-то

из взрослых не отправил ее пойти и надеть трусики. Будучи в гостях в Кисловодске в 2007 году, я рассказала об этом эпизоде ее дочери, зятю и внукам. Все страшно веселилось, мой рассказ вызвал бурю восторга и эмоций.

А я забыла обо всех моих поклонниках, для меня отныне существовал только один Марк. Вскоре мы вернулись после каникул в Прасковею. Марочка привез мне первые капроновые чулки. Все сбегались посмотреть на них, я стала первой обладательницей этого, по тому времени, чуда.

Мне предстояла преддипломная практика в городе Дербенте, древнем винодельческом центре.

Не успела побыть на практике недели две, я подхватила малярию, тяжелое заболевание с высокой температурой. Было принято решение, что руководитель практики отвезет меня домой. Но я согласилась ехать только в Прасковею, ведь там находился Марочка. Он целые дни проводил у нас на квартире. Я пошла на поправку и практику продолжила на месте.

Наступил 1951 год. Мы окончили техникум, предстояло получить направление на работу. Но Марочка и его родители решили, что он будет продолжать учебу в высшем учебном заведении, тем более у него был диплом с отличием, что давало ему право поступления в институт без экзаменов.

Родители отправили его документы в Москву, в Тимирязевскую академию, все-таки надеялись, что расстояние как-то охладит наши чувства.

У меня сохранилась записка классного руководителя родителям Марочки. Вот из нее отрывок: «Марку нельзя останавливаться на техникуме. Мне неизвестно, что у них с Зиной намечается женитьба. И я, как воспитатель, прошу Вас переубедить его, так для женитьбы он слишком молод. Ему нужно учиться, у него может быть большое будущее».

Вот так.

Не знаю как Марочке удалось, наперекор всему, сдать документы в Краснодарский сельскохозяйственный институт. Он просто знал, что я получила распределение на работу в город Краснодар. Дело в том, что бывший директор нашего техникума Федор Андреевич получил назначение с повышением – он был назначен управляющим краснодарского треста Виноградарства и Виноделия. Должность была на правах министра. Я писала выше, что это был очень волевой человек, студенты называли его «фюрер», так как он страшно любил порядок. Пользуясь своим положением, он выбрал для Краснодара несколько наших выпускников, в том числе и меня.

В 1951 году я начала свою трудовую деятельность, которую завершила в 2005 году. Я была направлена в город Ейск лаборанткой, но проработала в этой должности четыре месяца, Федор Андреевич решил, что мне можно поручить самостоятельную работу, и предложил должность начальника производственного цеха в городе Майкопе.

Мне двадцать один год, у меня в подчинении тридцать человек, в подотчете – вино, сахар, спирт, оборудование. Как хорошего наставника запомнила бухгалтера Мелокяна. Он научил меня очень многому, говорил, что если нашла излишек, ищи всегда недостачу. Целыми ночами я училась работать на счетах, потом был большой праздник – я купила арифмометр. Сейчас даже не знают, что это такое. По тем временам – это теперешний компьютер.

Жила я на частной квартире. Мама моя решала переехать жить ко мне. Конечно, духовной близости как с бабулей у меня с ней не было, но это была моя мама, тем более что в последний год они переписывались с папой, и кто знает, вернись он, возможно, они жили бы вместе. Все, что недодала мне мама в детстве, восполнила в последующие годы – она полностью посвятила их моим

детям.

За это время очень многое изменилось. Мариечка разошлась с мужем, у нее росла дочь Галочка. Азочка вышла замуж за Сеню, у нее родились дочери Томочка и Ляля. Симочка женился на Шурочке, у них росли три сына: Миша, Гена и Евгений (отец певицы Катя - Огонек).

В 1952 году мы решили жениться. Марочка приехал в Майкоп, мы пошли в Загс, мой коллектив ждал нас с шампанским, а мы вернулись разочарованные: надо было ждать до регистрации три месяца. Все увидели в этом дурной знак, ведь вернулись мы ни с чем. Но 23 января 1953 года нас зарегистрировали, и мы назначили свою свадьбу. Марочкины родители, верные себе, даже не поздравили нас с этим событием. Моя мама тоже не одобряла мой выбор, ей больше нравились мои предыдущие поклонники, она тоже не захотела присутствовать на нашем торжестве.

Но мы почему-то не унывали, пригласили своих друзей, моих сотрудников. Моих родственников я не приглашала, и это влетело бы в копеечку, Мариечке тоже что-то помешало приехать. У нас была настоящая молодежная свадьба. Мы отварили ведро картошки, купили селедки, два ведра пива, добавили в каждое ведро по одной бутылке спирта, чтобы захмелеть. Отгрохали веселую свадьбу, я была в ситцевом платице. Тамадой был однокурсник Марка – Олег. Через двадцать пять лет он был тамадой на свадьбе Майечки. Это всех очень растрогало.

Свадьба наша была умной, веселой, полная шуток и розыгрышей. Вот один из них: в группе у Марка был «особо одаренный» Ванечка. Неугомонный Тамада – Олег наутро подвел нас всех к наружной стене дома, в котором проходила свадьба, и показал Ване трещину, которая шла от цоколя до основания кровли, и заявил, что Ваня так был пьян накануне, и, когда бился головой о стену, она лопнула. Видели бы вы Ванечку. Он

на полном серьезе спросил: «А хозяйка знает, что это я сделал?». Можете представить наш гомерический хохот, но Ванечка собрался и быстро уехал. Вот какие мы были веселые и беззаботные, как в песне поется: «Как молоды мы были, как искренне любили...».

Наша жизнь началась с постоянных поездок к друг другу. О Марочке студенты сочинили стишок: «А наш староста Сигал, занятия пропускает, он у Зиночки в гостях, вечно пропадает».

У меня была однокомнатная квартира без кухни. Ребята на работе сбили нам топчан, широкий и прочный. Мы купили пять метров мешковины, шириной два метра, знакомый парень нанес на нее трафарет цветной, получился шикарный «ковер». Мы закрепили его под потолком, спустили на топчан, а затем он спускался с него до самого пола. Как сейчас помню, как мы любовались этой «красотой». Отходили на пару шагов, Марочка клал мне руку на плечо, это привычка сохранилась у него на всю жизнь. Поездки в гости нам обходились в копейчку, но мы виделись почти каждую неделю.

Федор Андреевич очень ругал меня за поездки в Краснодар, ведь у меня была колоссальная материальная ответственность. Это был удивительный человек, он не выпускал своих бывших студентов из поля зрения.

Я хорошо справлялась со своими обязанностями, и у Федора Андреевича были предпосылки перевести меня в Краснодар. Попасть на работу на самый крупный винзавод России было большой честью для меня, молодого специалиста, мне было двадцать три года. Мама в это время находилась в Дагестане, я в Майкопе была одна и не могла дожидаться, когда мы с Марочкой будем вместе.

Федор Андреевич назначил меня начальником цеха розлива. Я проработала на этом заводе три года, пока Марочка продолжал учебу. Мы сняли частную квартиру, так как к нам приехал брат Марочки, он поступил в институт и жил все это время с нами.

И вот наступила долгожданная беременность. Я не могу описать, как трепетно мы ждали своего первого ребеночка. Но не обошлось и без огорчений. Я затеяла генеральную уборку, побелила квартирку, все перестирала, а вечером мы с Марочкой отправились в театр, там мне стало плохо. Этой ночью мы объездили все больницы, нас ни где не приняли, объяснив это тем, что мест нет.

Утром разъяренный Марочка отправился в редакцию газеты «Советская Кубань». Он устроил настоящий скандал, пытался доказать, что беременность прерывают охотно, а в помощи сохранить жизнь будущему человеку нагло отказывают. Я потом гордилась Марочкой, он проявил себя настоящим мужчиной и добился того, что за нами закрепили надомную медсестру, мне оказали полную медицинскую помощь, провели курс лечения. Слава Богу, беременность сохранили, и она протекала все последующие месяцы нормально. Я переживала, не отразилась бы все это лечение на ребенке. Время показало — опасения были напрасны.

Теперь мы готовились к встрече с нашей малышкой. Купили кроватку, игрушки. Я шила распашонки с аппликациями, пеленки, ведь ничего готового в продаже не было.

Перед родами, как учила меня когда-то бабуля, я провела генеральную уборку, перечистила всю посуду. Не знаю, кто больше из нас волновался, я или Марочка. Он накупил много литературы, прочитав которую, я только ужаснулась, что ожидает женщину при родах. Но одна книга «Мать и дитя» стала нашей настольной книгой.

Квартирка у нас была двухкомнатная, вагончиком, площадью 15-16 кв. метров. В первой комнате стояла мамина кушетка, печь и угловой столик, за который могли садиться по два человека. Во второй комнатке стояла наша кровать, рядом Майечкина, и параллельно им кушетка для Алика. Мама должна была приехать после рождения ребенка.

Наконец, наступил момент: мы отправились в роддом пешком. Как сейчас помню, каким потерянным он шел рядом со мной, а я, как только отпускала боль, смеялась нервным смехом, видимо от страха. Страшно стало, когда всю мою одежду передали Марочке, и я поняла, что остаюсь в роддоме без него.

Роды были тяжелыми, у меня все девять месяцев беременности был сильный токсикоз, поэтому была очень слабая родовая деятельность. Разрезали промежность, были внутренние и внешние разрывы. Был момент, когда у Марочки спросили, кому сохранять жизнь, мне или ребенку. Он ответил, что дети еще будут...Представляю, чего стоил ему этот ответ. Положение спасла нянечка, проработавшая всю жизнь в роддоме. Благодарный Марочка, перетаскал ей все запасы варенья, больше нам нечем было ее одарить.

Помню наше первое свидание после родов, мы общались через стеклянную дверь, стеснялись: произошло таинство, чудо, что-то интимное – появился ребенок, плод нашей любви. Он, неловко переминаясь с ноги на ногу, сообщил, что досрочно сдал сессию на «отлично», в городе уже тепло, я ответила, что это видно по его веснушкам. Я побыла в роддоме двенадцать дней, заживали швы. Перед тем как отдать Майечку, Марку показали с балкона трех деток, он безошибочно указал на нее, когда попросили узнать свою девочку.

Наконец, мы дома! Приехала мама, первое купание ребенка провела я, но потом была как без сознания. Зато первую клизмочку сделал Марочка, раскрыв при этом перед собой книжку с рисунком как ее делать. Я называю имя Майечка, но с этим именем связанна целая эпопея.

Мы решили задолго до родов, что если будет девочка – то Леночка, если мальчик – Сережа. Неожиданно от Михаила Марковича получили поздравительную телеграмму, в которой поздравлял с дочкой Майечкой. Мы ответили, что поздравляем их с внучкой Леночкой.

Тогда он пригласил нас на переговорную и убедительно попросил выбрать имя его мамы — Майны, рассказывал, какая она была умная, мудрая, совестливая.

Мы согласились и никогда об этом не пожалели, детки у нас мудрые. Я вышла на работу, мама привозила Майечку ко мне на кормление. Однокурсники Марочки подарили нам шикарную детскую коляску. Вскоре мама уехала на какое-то время, и Марочка на время лекций привозил ее ко мне на работу, оставлял ее на проходной, где постоянно работала Анечка, которая штамповала этикетки для бутылочного вина. Каждый, кто шел через проходную, не оставался равнодушным к красивому, жизнерадостному ребенку.

Так в общении с людьми росла Майечка, а я могла только выкраивать время на то, чтобы ее покормить и переодеть. Чрезмерная общительность сохранилась у Майечки на всю жизнь.

Жили мы очень скромно. Родители Марка присылали 350 рублей. Я их отдавала за квартиру. Алик свою стипендию мне не отдавал. Наш бюджет в месяц составлял 300 рублей Марочкиной стипендии и моя зарплата — 1100 рублей. Семью из пятерых человек спасала мама. Она ездила с Майечкой в коляске на рынок, она чудесно выглядела, все принимали ее за молодую маму, продавцы мяса выбирали ей самые лучшие кусочки и субпродукты для холодца. Во дворе Марочка соорудил маленький курятник, у Майечки всегда кушала свежие яйца.

За эти три года жизни в Краснодаре мы могли только одевать Майечку, Красивое пальто купил мне Михаил Маркович. Зато первую елочку мы нарядили ей в одиннадцать месяцев, поставить было негде. Мы подвесили ее к потолку. И как Марочка ни старался, Майечка еще вяло реагировала на эту елку. Нас успокаивало, что учеба подходит к концу, и мы сможем уехать, будем получать две зарплаты, жизнь наладится. А пока жили более, чем скромно. На совещании молодых специалис-

тов в Краснодаре я держала Манюню на руках, чтобы не видно было, как протерлось мое платье на груди. Это было единственное нарядное платье из крепжоржета.

Наконец, Марочка получил диплом. Федор Андреевич пригласил нас и предложил выбрать место работы. Наш выбор остановился на совхозе «Таманский». Я приняла винный пункт, он был аналогичен небольшому заводу, Марочку назначили главным специалистом по садоводству и виноградарству. Перед отъездом из Краснодара я получила свои взносы из кассы взаимопомощи, и мы купили диван, единственное, что мы привезли в совхоз из мебели. Мы начали обживать на новом месте. Алик остался продолжать учебу в Краснодаре.

Один раз в неделю мы ездили на рынок в станицу Тамань приобрести продукты. Холодильников тогда еще не было, к концу недели продуктов не оставалось. Главный агроном совхоза Анашкин Б.А., прекрасный человек и специалист, посоветовал нам приобрести корову, чтобы были свои молочные продукты. Мама сразу отказалась подходить к корове, пришлось мне ее доить, благо в годы войны я доила козу. Корова ложилась выменем ночью в навоз, бабушки мне объяснили, что, видимо, у нее болело вымя. Каждое утро в четыре часа выходили мы с Марочкой на дойку, выносили при этом сорокалитровую выварку и еще одно ведро воды, чтобы в молоко не попала грязь. После этого я ни разу не покупала молоко у частных, не уверена, что они хорошо ухаживают за коровой. Нам ребята изготовили деревянную маслобойку, у которой вал и лопасти были деревянные, в нее заливались сливки, и получалось пахучее сливочное масло. К тому времени мы купили сепаратор, завели кур, индюков, уток. Было настоящее натуральное хозяйство, а море и лиманы дарили бесплатную рыбу.

Жизнь налаживалась, хотя жили еще очень скромно. Марочка поехал чрез год в гости к родителям в телог-

рейке и кирзовых сапогах, чем их просто шокировал.

А у нас в доме поселилась радость, я забеременела. С работой мы справлялись прекрасно, нас считали образцовыми молодыми специалистами, мы получали колоссальное удовлетворение от результатов своей работы. Все годы жизни на Тамани прошли у нас в дружественной обстановке. «Правил» в это время Н. Хрущев. Молодых специалистов в сельском хозяйстве поддерживали, хорошо оплачивали работу, был выдвинут лозунг: «Превратим Тамань в Советскую Шампань». И мы старались претворять это в жизнь.

Наши друзья, молодые специалисты, не только хорошо работали, они прекрасно организовывали наш досуг. По вечерам мы всегда общались, были скромные застолья, много песен, а из горячительных напитков было прекрасное столовое вино.

Наша семья жила в ожидании чуда – второго ребеночка. Беременность протекала хорошо, токсикоз прекратился на пятом месяце. Если, ожидая Майечку, я была изящной, то сейчас превратилась в бочку. Мы решили, что будет мальчик, да и все бабули убеждали нас в этом. Наконец, наступила пора ехать в роддом. Нам выделили старый самосвал с громадным железным кузовом. Все в машине накалилось, я стеснялась кричать, сидим в кабине с шофером. На улице – август. Подъезжая к каждому населенному пункту, Марочка спрашивал, могу ли ехать дальше. Мы доехали до районного центра – Темрюк.

На другой день родилась наша Леночка. Я в первый момент переживала, что опять не смогла подарить Марочке сыночка, но радость появления маленького, любимого человечка, да еще и такого красивого (у нее были черные кудри и голубые глаза), затмили все. Я была счастливой мамой.

Дозвонившись в роддом, Марочка узнал, что у нас девочка, но его так убедили окружающие, что должен быть сын, что он попросил проверить, правильная ли это информация. Через три часа он приехал и передал

мне записку на надорванном, взятом у кого-то тетрадном листке. Прошло уже пятьдесят два года, но у меня эта записка сохранилась, вот ее содержание:

«Зинуся, дорогая, не огорчайся, ведь ничего страшного не случилось. Эта доченька мне понравилась больше, чем Майечка, щеки толстые, недаром она столько «пересидела». Ведь девочки не только у нас. Я думал, что буду очень огорчен, но ты мне не поверишь, ты подумаешь, что я тебя успокаиваю. Я очень доволен, она мне очень понравилась — наша Леночка.

Зинуся, напиши, как здоровье, как настроение. Напиши обязательно список желаемых продуктов.

Целую, твой Сигал».

Через неделю он с Майечкой приехал на грузовой машине за нами. Удивительно, Манкуне было два с половиной года, но она помнит, что в полу кузова не хватало дощечек. По приезду домой, она докладывала ним друзьям: «У меня родился братик Леночка, говорят красивая, но думаю, я красивее». Сейчас маленькая Лизочка напоминает мне очень часто свою бабулю.

Мы прекрасно освоились в совхозе. Марочка часто отправлялся на рыбалку, очень интересно ловили рыбу «чуларку» из семейства кефалевых.

Ночью в лодку ставили керосиновый фонарь, спускали с борта лодки рогожку, от фонаря получалась тень и рыба, перелетая ее, попадала прямо в лодку. Привозили примерно по мешку рыбы на человека. Посолив, мы ее вывешивали у порога дома вялить, заборов не было. Ребята, по пути домой после работы, срывали себе по рыбешке и шли пить пиво в ларек. Это не считалось зазорным, рыба в изобилии была в каждом доме.

Однажды женщины пригласили меня на лиман посмотреть на нерест рыбы. Это было зрелище! Рыба чуть ли не стояла в воде. Ее просто черпали в мешки, у меня ничего с собой не было, я сняла свою юбку, завязала в поясе и набрала в нее рыбы.

Федор Андреевич, по-прежнему, не выпускавший нас из поля зрения, предложил нам переехать на работу в станицу Тамань, ту самую Тамань, которую когда-то описал Лермонтов, как самый скверный городишко на Юге России. Мы согласились. По сравнению с винсовхозом, Тамань была крупным населенным пунктом, кроме винзавода на его территории располагались: большой колхоз, школы, гостиница, лечебный пункт, сельсовет, библиотека и т.д.

Нам выделили две комнатки в здании заводоуправления, прямо на территории винзавода. Меня могли беспокоить в любое время дня и ночи, покоя в доме не было, кроме того, у нас была семья из пяти человек. К нам стали летом приезжать родственники и их друзья. Нам действительно было тесно, и мы решили прислушаться к советам окружающих и построить свой дом.

Посоветовались с родителями Марка, они поддержали эту идею и даже предложили переехать жить в нем, если нам надо будет переезжать на новое место жительства. Марочка работал начальником планово-экономического отдела в колхозе, правление колхоза помогло завезти пиленный керченский камень на барже, помогали строительными материалами. Пиленный лес мне выписали на заводе – в это время на завод поступало оборудование из Франции и Германии. Доски были обработаны химикатами, толщина их была 50-60 мм, таким материалом упаковывалось оборудование. Саман – теперешние блоки, мы с друзьями готовили сами. Он шел на внутренние перегородки. Проект дома мы начертили сами. Это был первый дом в Тамани с санузлом, туалетом. Комнат было пять. Во дворе поставили еще домик на две комнаты – так называемая летняя кухня. Во дворе Марочка посадил двадцать кустов винограда, начиная с раннего, кончая поздним сортом, ведь я так любила виноград. Овощеводами мы оказались никудышными, поэтому территория участка утопала в цветах. В конце территории, над обрывом, мы поставили прекрасную беседку, внизу

были пристань, волнорезы и сельский пляж. Мы жили рядом с домиком Лермонтова, теперь там музей его имени.

Комнаты были оборудованы только кроватями, хотя мы строили со строжайшей экономией, Марочка по вечерам и выходным работал всегда сам с бригадой строителей.

Мне хочется остановиться на Леночкином имени. Нам некогда было поехать в Темрюк и получить ее свидетельство о рождении. В сельсовете предложили выписать его нам на месте. Секретарь совета, выписывая свидетельство, по какому-то наитию записал имя Алена. Так мы опять официально не имели Леночку, но всю жизнь называем ее Леночкой, Лецей, Лекой.

Девочки были очень разные по характеру и поведению. Майечка была очень подвижной девочкой, требовала к себе много внимания, ее нельзя было надолго упустить из поля зрения, у нее были золотые локоны, красивая девочка. Она, как тайфун налетала на Лекиных кукол, отрывала то руку, то ногу и объясняла это тем, что хотела заглянуть, что у них внутри. Леночка была ее противоположностью: спокойная, тихая, красивенькая и когда взрослые ей говорили, восхищаясь ее большими глазами, что их надо помыть, она кокетливо говорила: «А что, у меня глаза некрасивые?». Я помню, как Леночка пошла самостоятельно. Она передвигалась от корзины до корзины с виноградом, они стояли по всему двору. Наше солнышко делало свои первые шаги. Мы часто говорили Манюне, что она теперь старшая, должна уступать малышке, а она нас просто поразила: «Мне будет сто лет, а ей девяносто восемь и все равно она будет у вас младшей?». Ну что тут скажешь?

Еще, когда мы жили в совхозе, Марочка настоял отдать Майечку в садик, так как считал, что ребенок должен жить в коллективе. Боже, что мы имели! Она становилась на скамейку и по-настоящему причитала: «Бабуненька, родная, на кого ты меня покинула, заberi меня

домой. Папочка, мамочка, я здесь умру». Корни чьих предков вещали в ней? Она- таки добилась своего, пришлось освободить ее от посещения садика. Дети были очень привязаны к Марочке. Как только он приходил с работы, они не сходили с его рук. Майечка по этому поводу говорила: «Папочка, мы к тебе прилипите».

Леночка любила играть с куклами, сидела больше дома, а Майечка все время работала во дворе с рабочими. Зимой катала с ними бочки, ручки холодные, красные, варежки не надевала. В получку я оставляла у бухгалтера пару рублей, он не ленился, писал отдельную ведомость, и Манюня счастливая бежала домой с зарплатой.

В 1956 году по нашей просьбе направили Алика на работу в соседний совхоз, так что мы опять жили вместе. У нас росли две прекрасные девочки, мы были молоды, работать нам нравилось, и, справедливости ради, надо сказать, были успехи.

Материально мы были более или менее обеспечены, как я писала выше, у нас было натуральное хозяйство: корова, выкармливали обычно двух свиней, их продавали и покупали себе баранов, двор был полон кур, гусей, индюков, уток, конечно собака и кошка. Рыбы было в избытке.

Представьте географическое расположение станицы Тамань: Черное и Азовское моря, они плавно сливались как раз напротив Тамани, кроме того, лиманы, естественные и искусственные пруды. Вот перечень рыбы, который нам был доступен в изобилии: лобань, кефаль, чуларка, султанка, сельдь, барабулька, судак, тарань, красная рыба, черная и красная икра. В громадных количествах ловилась эта рыба. Раков привозили в больших плетеных корзинах, а за мидиями спускались прямо с нашего двора и отдирали их с волнорезов, иногда из них готовили плов, но это уже ради экзотики.

Незабываемое зрелище – добыча хамсы. Я никогда не наблюдала плохой погоды во время этой путины. Днем светило солнце, ночью – луна. Сейнеры приходи-

ли из Дагестана, Черного моря и наши местные. Рыбаки Каспийского, Черного, Азовского морей были дружны, никогда не было никаких трений. Я, обычно на лодке, делегировала своих рабочих к рыбакам с угощением – вином в канистрах. Ребята опускали конец гофрированного шланга диаметром 150 мм. в нашу лодку, включали насос, и через несколько секунд лодка погружалась на половину. Бондаря раздвигали три-четыре бочки емкостью по 500-600 литров, в них мы засаливали хамсу. Круглый год мы все лакомились этой рыбкой с принесенными из дома пирожками и картошкой.

Наши гости восхищались любой рыбой, а у меня и сейчас нет особого желания готовить рыбные блюда. Мы с мамой уставали от заготовки вяленой рыбы, причем сами были не особые ценители ее. Сельдь почему-то рыбаки привозили в чемоданах, крупная, с широкими спинками, она могла храниться по три-четыре месяца и не теряла своих качеств, так как была очень жирной.

Когда в нашем присутствии старожилы вспоминали, сколько было рыбы раньше, что весной растапливали печи ржавой, вяленой, которую не успевали съесть, мы многозначительно переглядывались – ведь все было раньше лучше. Но сейчас мои записи об изобилии рыбы в шестидесятые годы, тоже трудно представить реальными, хотя это, чистейшая правда.

Мы, собственно, обжились, стали более или менее обеспечены, очень рады были приезду своих родственников, даже могли в меру силы их чем-то одаривать. Родителям Марочки мы подарили деньги на покупку телевизора, дяди Жорочке купили хорошее пальто, особенно старались помочь материально тете Анечке (мамина сестра из Дагестана), для Марийке самым лучшим подарком всегда был мешок вяленой рыбы. Самое главное, мы с Марочкой получали удовольствие от того, что можем хоть чем-то помочь нашим близким.

К нам приезжала Лизочка после десятого класса. Я хорошо помню, что привезла ей и себе брюки из Моск-

вы, и когда мы вышли прогуляться, бабушки на улице плевались нам вслед. Приезжал Юра, мы организовали ему познавательную поездку в город-герой Керчь. Алик встретил в Тамани свою судьбу, Аллочку. Она приехала в Тамань на практику. Вскоре он уехал к ней в Люберцы, мы не могли им тогда купить обручальные кольца, я сняла свое с руки и подарила Алику. Слава Богу, семья сложилась, у них выросли два прекрасных сына, есть внуки.

За эти годы, моя семья (дядя Жора, бабуленька, тетя Лиза) переехала в Кисловодск. Родители Марочки жили в Ессентуках. Маричка разошлась с мужем, у нее росла доченька Галочка.

У Азочки подрастали Томочка и Ляля. Тетя Федора жила в Кисловодске. Райечка с детьми – в Кишиневе. Юра поступил в Саратовский юридический институт. Маричка сменила профессию, она окончила Таганрогский юридический техникум, работала следователем. Впоследствии блестяще окончила заочно юридический факультет Ростовского университета, много лет проработала судьей в Кисловодске.

Не могу не описать интересный в нашей жизни эпизод. В Тамани в то время жил бывший репрессированный (он когда-то был заместителем Когановича, имел свой спецвагон и т.д.) Семен Аронович. После реабилитации он отказался от государственной службы, не пошел восстанавливаться в партии, работал обыкновенным служащим, но у него сохранились солидные старые связи. Услышав наши сетования с Марочкой о том, что в колхозе и у меня на заводе ощущается дефицит электроэнергии, он пообещал нам помочь. Ему удалось договориться, что в Москве на Лубянке выделяют два дизеля для Тамани. Там по существующему положению, все оборудование каждые два года обновляли, как отработавшее свой ресурс. Оформив документы в Краснодаре, мы выехали в Москву. На Лубянке нам выписали пропуска и сопровождали в приемную. Через некоторое время мне надо-

ело сидеть, я решила пойти погулять, меня остановил суровый голос, стало неприятно. Я не помню, у кого мы были на приеме, нам подписали документы, полные сомнений вернулись домой. К нашей великой радости, через месяц дизеля прибыли в Тамань. Мы были благодарны Семену Ароновичу, а наше руководство - всем нам.

К тому времени мы приобрели в дом: пианино, телевизор (мы его выносили по вечерам в контору, и наши знакомые, мои избиратели, приходили смотреть передачи), холодильник, стиральную машинку – на нее приходили смотреть как на чудо, а она по теперешним меркам, была такая примитивная – отжим белья производился с помощью валика. Если она слабо тянула, я научила маму обращаться к электрику. Нам с Марочкой было смешно, когда она выходила во двор и кричала: «Константинович, прибавь обороты!», хотя не имела представления, о чем она просит. Надо отдать должное моему Марочке – все, что у нас появлялось в доме, было впервые в Тамани.

Детки радовали нас, но росли совсем разные девочки. Леночка была домоседкой, но, не смотря на то, что была младшенькой, постоянно опекала Майечку. Сердце разрывалось, когда она громко, до истерики плакала, умоляла Майечку не ходить в овраг к лошадям, где они паслись, почему-то она их панически боялась. Она плакала, когда Манюня заходила в туалет во дворе, так как боялась, что она провалится в дырку, а та еще издевалась, поднимая ножку над дыркой. Майечка была предводителем, воином, а Леночка – много играла с игрушками, пыталась уже готовить папочке в своей детской посуде, напоминая меня в детстве. Я не помню случая, чтобы она возвращалась с прогулки без цветов. Всегда у нее были букетики. И нет детского снимка, где Леценька была бы без цветов. Майечка любила общаться со всеми, должна была делиться информацией, которую, к моему удивлению, я не знаю, откуда черпала.

Как-то я ожидала очередную делегацию из Краснода-

ра. Накануне ночью отправила ребят на грузовой машине за раками. К несчастью, машина перевернулась, никто, правда, не пострадал. В пять утра я подняла на ноги главного механика колхоза, к девяти часам они заехали во двор на отремонтированной машине. Слава Богу, успела, гости еще не приехали, следов ночного происшествия не было. Когда я встретила приехавших, мы шли по территории, «нарисовалась» Майечка. Она, едва поздоровавшись, рассказала о ночном происшествии, к моему удивлению во всех деталях, не забыв подчеркнуть, как ее мама оперативно отремонтировала машину, я до сих пор не пойму, откуда у нее появилась эта информация. В следующий раз делегация задерживалась, я на свою беду взяла с собой Майечку окунуться в море. Вскоре нас позвали встречать гостей. Я, конечно, от своего ребенка отделаться не смогла, а она тут же вступила в диалог с Федором Андреевичем. Он спросил как дела, она без запинки ответила: «Вы так быстро приехали, мы с мамочкой так торопились и стоим сейчас без трусов». Можете представить мое положение, мы действительно успели одеть только сарафанчики.

Детки росли и нас радовали. Алик в каждый свой приезд устраивал концерты. Майя в основном танцевала, Лека старательно исполняла песни: «С нами Ленинской упеляди» и «А я в твоём любимом платье на белеху стою одна». Они пели, плясали, особенно им удавался танец умирающего лебедя. Мы получали колоссальное удовольствие от этих концертов. Но Майечкина общительность выходила нам, иногда, боком. Мне бондаря преподнесли как-то подарок – две миниатюрные бочечки. Одна с краником для вина, вторая – копилка. На очередном своем митинге Майечка сообщила рабочим, что дома у нас стоит бочка полная денег. Возможно, на некоторых это произвело негативное впечатление, пришлось им напомнить о копилке, которую они подарили мне. Позже опишу и другие ее художества. Можно еще много писать о Тамани, но пора приступить к изложе-

нию нового витка нашей жизни.

Федор Андреевич предложил нам переехать поселок Сенная, меня назначил главным инженером Сенновского винного завода, Марочку – главным агрономом, вновь созданного совхоза «Фанагорийский». Конечно, это было значительное повышение по службе. Завод был самый крупный в Советском Союзе, кроме того, впервые решили наладить производство натурального виноградного сока. Для этой цели закупили технологическое оборудование во Франции и Германии. Предстояло построить новые корпуса, освоить новую технологию. Строительством занимался крупный генподрядчик, который привлек к работе еще тридцать четыре субподрядчика. Стройка контролировалась на высшем уровне. Постоянно приезжали: Федор Андреевич, на правах министра председатель совнархоза Байбаков, первый секретарь крайкома Воробьев. На стройке технадзор осуществлял наш прораб Николай Петрович, спасибо ему большое. Это был мой поводыр на колоссальной по тем временам стройке в системе виноделия.

Марочке досталась роль первопроходца: надо было вырастить виноградники на ровном месте. Сейчас все сообщают о качественных винах Фанагории, но никогда не вспоминают тех, кто стоял у истоков этой заслуженной славы, с какими невероятными трудностями они сталкивались.

В годы войны на территории создаваемого совхоза проходила так называемая «голубая линия», земля была напичкана снарядами, они периодически взрывались, трактористы отказывались работать в поле. Марочка придумал «ноу-хау»: впереди трактора сваркой крепили большой лист железа 8-10мм толщиной. Это был щит. Марочка садился рядом с трактористом как гарант безопасности, и нетронутые земли начали пахать. Страх был преодолен, хотя взрывы периодически случались.

Марочка сразу произвел закладку «школки» для выращивания саженцев винограда, но, кроме этого, завозил со стороны чубуки и саженцы лучших сортов винограда, сам делал разметку виноградных рядов с учетом склона и т.д.

На нас свалилась колоссальная ответственность, работали с утра до ночи, но мы оба, к счастью, любили такой ритм работы, а работа любила нас.

Нам было по 31 году. Маму с детьми оставили в Тамани. Надо было решать, что делать с домом. В Сенной у нас была 2-хкомнатная квартира, мы жили почти на казарменном положении.

В субботу вечером мы ехали в Тамань, в воскресенье вечером возвращались на работу. По приезду Марочка шел искать детей. К тому времени наша старшая начальная дочь решила создать отряд «зеленый патруль». Этот наглый ребенок в шестилетнем возрасте пошел в сельсовет и попросил выдать им красные повязки. На вопрос, кто является командиром отряда, она смекнула, что для этого звания она явно неавторитетна и, не моргнув глазом, ответила: «Бабуля Сара Киреевна».

Сотрудники сельсовета, сдержав смех, как потом рассказывали нам, выдали им красные повязки. Отряд по вечерам ходил по улицам Тамани, стирая надписи на заборах (для этого у них были ведерки с водой и тряпки), выявляли кто из ребят сломал деревце и т.д. Как ни старалась Майечка идти на эти мероприятия без Леки, ей это не удавалось, та медленно, но верно сопровождала их во всех вылазках. В один из наших приездов, когда дети уже были отмыты, покормлены, все улеглись спать, лег и Марочка, но вскоре он, встревоженный, вышел ко мне и сообщил, что его испугало: ведь если они стирают, значит, они знают значение этих слов. Я успокаивала его, как могла, ведь дети росли в селе.

Однажды в очередной приезд мы обнаружили, что Майечка читает книгу «Дикая собака Динго, или повесть о первой любви».

Нам надо было решать, что делать с домом. Покупателей было много. Крымским татарам, грекам после их возвращения не разрешали въезжать в Крым, они были вынуждены осесть в Тамани. Нам предлагали за дом от 120 до 140 т.р., но Марочка твердо решил продать его государству. Он объяснял свое решение тем, что строительство дома обошлось нам дешевле, так как большую часть стройматериалов нам помогали приобрести предприятия, на которых мы работали, следовательно, это заслуга нашего государства. Мы отказали всем покупателям, госкомиссия оценила наш дом со всеми постройками и зелеными насаждениями в 44 т.р.. Получив их, мы вложили всю сумму в 3% заем. Это были целевые деньги на приобретение в будущем автомобиля.

Окружающие нас не могли понять и одобрить этот шаг, но я Марочку поддержала – он умел меня убеждать всегда, и я без громких слов понимала, что он поступает в данном случае как Гражданин. Пока оформлялись документы, мама с детьми оставалась в Тамани. Однажды, вернувшись из Краснодара, я была вызвана на завод. Произошел несчастный случай, но, слава Богу, все обошлось благополучно, и я, окрыленная, возвращалась домой и вижу на пороге дома Майечка и с нею еще шестеро детей, причем почти все старше ее и среди них трое цыганчат. Она организовала культпоход из Тамани в Сенную (14км) пешком, спасибо какой-то женщине, на подходе к Сенной, она работала на ферме, напоила их молоком. О своем походе Майя никому из старших не сообщила, т.к. понимала, что никто не одобрит этот шаг. Ничуть не смущаясь, она заявила мне, что ребята голодные, усталые их надо помыть, накормить, а утром отправить их на автомашине в Тамань, т.к. некоторым из них надо было идти в школу. Майечке в то время было 6,5 -7 лет. Я оставила их кушать (в то время из командировок я привозила обычно чемодан колбас и сыров, слава Богу, к утру осталось полчемодана продуктов), сама пошла на завод звонить маме, что Майечка с детьми

у меня. Слушать ее причитания о том, как она могла себе это позволить, не стала. Она сама знала, что именно Майечка могла себе это позволить. Надо было торопиться домой, укладывать отдыхать отряд. Утром отправила их всех в Тамань. Марочка мрачно заявил, что детей надо забирать в Сенную.

Между тем работа не оставляла нам времени для личных переживаний. Я описывала выше, какое значение придавалось строительству завода – это был, по замыслу, самый крупный завод в СССР, в добавок осваивалась новая технология – производство натурального сока и марочных вин. А Марочка, по существу, одним из первых претворял в жизнь лозунг «Превратим Тамань в Советскую Шампань. Колхозы, реорганизованные в виноградные совхозы и создаваемые вновь в Фанагории, помогли сельскому хозяйству достичь высоких показателей, ведь виноград быстро окупает затраты. Особое внимание уделял Тамани Н. С. Хрущев. Три раза он посещал Краснодарский край, в т.ч. два раза мы принимали его в Сенной.

Обычно за три дня до его прибытия завод наполняли «наблюдатели» из Темрюка, Ростова-на-Дону, Краснодара. Они брали под свой контроль телефонный коммутатор завода, налаживали прямую линию с Москвой и даже с железнодорожного вокзала, на случай, если Н.Хрущев захочет позвонить.

Кстати, железнодорожный вокзал пос. Сенная во всех расписаниях фигурирует как ж-д. станция Тамань. Строили дорогу до революции, оказалось так, что чиновники «освоили» все деньги, а дорогу надо было тянуть еще 14 км до Тамани. Недолго думая, станцию назвали Тамань, отрапортовав, что дорога построена полностью.

Между тем, мы готовились встретить высоких гостей, столы накрывались на заводе, бутылки с вином имели право опечатать сургучной особой печатью я и зав. лабораторией. Самые теплые воспоминания от всех встреч с нашим руководством у меня остались о Байбакове – ин-

теллигентный, галантный, без амбиций человек.

В первый приезд Хрущева, его подопечные отыскивали в п. Ахтанизовка бывшего его однополчанина. У нас в этом поселке был винпункт, в который было трудно попасть. В ненастье не было дороги. Спирт, вино возили тракторами. Мы не поверили своим глазам, когда за сутки до приезда высокого гостя, за одну ночь насыпали (по-моему, 12 км) гравийную дорогу. Квартиру ветерана тоже обставили мебелью, повесили ковры. После отъезда гостей, у него хотели все забрать, он погрозился сообщить об этом Хрущеву, и его оставили в покое.

А мы все благодарили Бога, что он подарил нам такую дорогу, о которой мы и не могли мечтать. Во второй приезд Хрущева я с Федором Андреевичем и его сопровождающими ждала высоких гостей на территории завода. Но кавалькада проскочила мимо завода, забыли напомнить о том, что надо остановиться. Хрущев не согласился возвращаться, и все уехали на ж-д вокзал. Мы все отправились на вокзал. Там уже возникал стихийный митинг. Вездесущая Майечка явилась на вокзал почти одновременно с нами, благо винзавод, ж.д. вокзал, жилой поселок – все находилось рядом. В этой праздничной атмосфере стали разноситься громкие вопли моего ребенка: «Почему дедушка Хрущев уезжает? Я не хочу, чтобы он уезжал! Скажи ему, мамочка, пусть он останется у нас!». Стоило многих усилий ее успокоить и уговорить с кем-то из знакомых идти домой, а нам надо было возвращаться на завод, Федор Андреевич со своей свитой сразу уехал, а гости из Краснодара, Ростова-на-Дону, Темрюка расслабились и уехали поздно вечером.

Потом мы с Майечкой проводили беседу, что не везде ее присутствие обязательно, а я вспоминала, что еще совсем недавно детки заглядывали через плечо Марочки, что он будет рисовать для них. На его слова о том, что папа будем им рисовать на бумаге, они в один голос кричали: «Гуску!», так как ничего другого мы рисовать не умели.

Еще вспомнился случай: в выходной день мы отправились на работу. Уходя, я предупредила детей не ходить в гостиную, т.к. дверь могла захлопнуться на защелку. Мама тогда была в отъезде. Вернувшись, я обнаружила детей в гостиной перед закрытой дверью, она была наполовину застеклена. Можете представить себе картину маслом, как бы сказал герой фильма «Ликвидация» : два больших испуганных глаза Леценки и рядом Майка, как предводитель индейцев, держит в высоко поднятой руке полиэтиленовый пакет с жидкостью, красиво перевязанный розовым бантом. Все просто, дверь захлопнулась, горшка нет, сообразили – приспособили пакет, а ведь они только появились в быту, и они нашли пакету применение. Конечно, им досталось, но вечером я их Марочке похвалила за сообразительность.

Зимой 1961г. Я решилась на операцию, надо было удалять аппендицит. В Сенной было всего два врача – хирург и гинеколог (муж и жена). Уезжать из дома не хотела, операцию провели в Сенной. К сожалению, мой организм не справился, образовался инфильтрат. Марочка был в ярости. Он купил машину угля, высыпал его на дорогу, идущую от медпункта к нашему дому, потому что был гололед, забрал меня домой и потребовал, что бы перевязки мне делали дома. Слава Богу, поднялась, вышла на работу, жизнь вошла в свою колею.

Я пропустила важное событие в жизни нашей страны – полет Гагарина в космос. Я услышала об этом событии в Краснодаре в трамвае, была в командировке, добиралась в трест. Что творилось в вагоне! Мы все, незнакомые друг с другом, обнимались, плясали, испытывая при этом неописуемый восторг и, естественно, гордость за свою страну. Мы все жили в ожидании лучших времен, энтузиазм был колоссальный, у нас не было понятия о нормированном рабочем дне, почти все выходные были заняты народными стройками. Люди были общительными и внимательными друг к другу. Трудно поверить, но мы были счастливы, к нам можно применить слова пес-

ни: «...как молоды мы были, как искренне любили, как верили в себя...».

В 1962г. Леночка ходила в садик, Майечка готовилась к школе. Наконец, она ученица, но, по правде говоря, ей в школе было скучновато: она бегло читала, считала, обладала прекрасной речью, и очень радовала нас своими успехами.

В конце каждого года на винзаводах составлялся сложный технологический отчет – сахарно-спиртовой баланс. Примерно это выглядело так: объем полученного сока виноградного, содержание сахара в нем плюс добавленный спирт – левая сторона; объем полученных виноматериалов, содержание в них сахара и спирта – правая сторона. Результаты левой и правой сторон должны быть идентичны. Затем в тресте составлялся сводный отчет на основании данных, полученных от всех заводов. К этой работе привлекали несколько человек с заводов, в т.ч. и меня. После составления сводного баланса я еще оставалась в Краснодаре для работы в центральной дегустационной комиссии, в нее входили все главные специалисты треста и два главных инженера: я – от Сенновского винзавода и от Краснодарского винзавода – Селюк. Дегустация была закрытой, т.е. на бутылках с вином не указывался завод-изготовитель.

На Сенновском винзаводе мы работали в это время над созданием вин «Черные глаза» и «Улыбка». После дегустации я собралась ехать домой, но Федор Андреевич пригласил меня к себе и предложил подумать, не хотим ли мы поехать в г. Ейск, все-таки девочки подрастают, предупредил, что Марочка будет директором винзавода, а я, как близкий родственник, смогу работать только в лаборатории. Я поблагодарила его и обещала посоветоваться с Марочкой и сообщить о своем решении. Решили ехать в Ейск, в основном, для того, чтобы дети учились в городе. Жалко было расставаться с Таманским полуостровом, мы прожили здесь хорошие годы, познакомились с очень многими хорошими людьми.

ми. Жили мы в Сенной недалеко от лимана, купаться дети бегали в нем самостоятельно. Возвращаясь, Майечка небрежно на ступеньках дома сбрасывала трусы, Леночка шла следом, подбирала их, и при этом ворчала: «Как будто бы они ей больше не нужны!». Главное, у нас была ответственная работа, которая нам нравилась. Нам было комфортно. К нам также продолжали приезжать не только родственники, но и их друзья и знакомые. Мой двоюродный брат возвращался с рыбалки с двумя-тремя ведрами бычков и угощал ими всех соседей. Но решение было принято.

В феврале 1963г. Мы с Марочкой приехали в Ейск. Первое время жили в гостинице, где буквально после приезда встретились с Ю. Лобовым. Он работал до этого начальником РОВД Темрюкского района. Не было предела нашему удивлению, что его перевели начальником РОВД г. Ейска одновременно с нами. Все-таки мы встретили «земляка». Впоследствии, подружились семьями. Юра получил квартиру, круг наших знакомых расширился. С ним в доме жили Иванчук (начальник КГБ), хирург Кононенко Н., по долгу службы познакомились с Лысовым А. И. (судья), так создавалось ядро нашей будущей сплоченной компании в лучшем смысле этого слова. Позже к нам присоединились через Лысовых Зверевич Н. (зав. Кафедрой ЕВВАУЛ), Назаров М. (подполковник в отставке), Демченко А. (хирург). Получили и мы двухкомнатную квартиру с печным отоплением, которое мы сразу заменили водяным. Дом был 4-х квартирный, соседи все очень приятные люди.

Марочка, по существу, строил новый завод. Слава Богу, опыта и знаний у него хватало. Я по положению могла работать только в лаборатории. В свой первый приезд к нам в Ейск Федор Андреевич поинтересовался, не разнесла ли я стены лаборатории, т.к. не представлял меня с моей энергией за микроскопом.

Завод строился за счет банковских ссуд: на расширение производства (увеличение объема выпускаемой продукции) и механизации производственных процессов. Главный инженер был слабоват в этих вопросах, а я только рада была заниматься всеми расчетами, оформляла ссуды в банке, так что я немного была в своей стихии.

Марочка был грамотным, вдумчивым директором, он видел все задачи в перспективе, не боялся новшеств, что ему очень поможет в будущем, заботился о коллективе — это у него на всю жизнь.

Отрезок времени, который мы прожили в этой квартире, запомнился тем, что все переболели. У Марочки после воспаления легких кто-то неосторожно предположил туберкулез. Сколько он пережил! Прежде всего, он беспокоился за нас всех, требовал выделить ему отдельную посуду и т.д. Я убеждала, что ничего страшного нет. Так и получилось. Я вспомнила, что такая же паника у него была в Тамани, когда после длительной рыбалки в резиновых сапогах в ноябре, у него отнялись ноги. Он не поднимался с постели больше месяца. Это был результат того, что во время эвакуации (они успели на теплоход без одежды, Марочке было 11 лет, Алику — 4 годика и с ними моя бедная свекровь Зинаида Михайловна). У него там от переохлаждения развился ревматизм. Слава Богу! Все закончилось благополучно! Затем сильно заболела я. В результате травмы позвоночника (в 1960 г.) у меня случился первый приступ межреберной невралгии. Тогда еще не имели ясного представления об этой болезни и решили, что это инфаркт. Именно в этот момент в журнале «Здоровье» описали течение этого заболевания. Мои дорогие друзья — эскулапы, от всей души сделали новокаиновую блокаду всего позвоночника. В результате сильных рвот вышел из строя вестибулярный аппарат. Марочка два месяца учил меня ходить. Выкарабкалась. Приехала к нам и заболела наша любимая тетя Анечка. Ей поставили диагноз — рак пищевода. Сколько мы

пережили! Вызывали ее детей. Одного сына Марочка с трудом смог вызвать даже со срочной службы. Слава Богу, диагноз оказался ошибочным!

На очереди оказалась моя мама. У нее обнаружили послеоперационную грыжу (аппендицит удаляли во время войны). Грыжа была очень маленькой, размером с грецкий орех. Друзья настойчиво уговаривали делать операцию, я сомневалась т.к., когда лежала в больнице наслушалась и насмотрелась на то, как больным приходилось удалять грыжу неоднократно. Маму можно понять, она доверилась врачам. Ей сделали операцию. К сожалению, в будущем мое предчувствие оправдается: маме неоднократно еще будут делать полостные операции. Но все проходит. Все болезни пока вроде остались позади.

Леценька в 1964г. пошла в школу. Вспоминаю, как она зимой выходила из дома. Маленькая. Я за ней наблюдала с балкона. За углом жила ее подруга и дальше они шли вместе. Она, как и Майечка, радовала нас своими успехами в школе. Была сказочно спокойной девочкой. Нас все радовало в семье и на работе. Особенно радовали успехи Марочки. Завод рос на глазах! Построены были цех переработки винограда по последнему слову техники, где все процессы были механизированы, емкие винохранилища с вновь построенными железобетонными резервуарами. Все цеха были соединены стеклянными трубопроводами, по которым перекачивались соки и виноматериалы. Марочка смог расширить сырьевую базу, виноград стали возить из соседних районов, т.к. время приема его в переработку было очень ограниченным.

Крупным достижением было то, что ему удалось по ссудам приобрести эмалированные железнодорожные цистерны. Теперь вино по всему Союзу отгружалось не в бочках, как раньше. Это было экономически выгодно. Завод нуждался уже в дополнительном сырье. Стоял вопрос о переработке фруктов для производства плодо-

во-ягодных вин.

В то время ценили результаты работы - у Марочки в кабинете всегда стояли переходящие красные знамена. Правда в Краснодаре смеялись, что знаменам не придется менять свое место. И так было до конца его жизни. Я написала такие страшные слова, но тогда еще ничего не предвещало трагедии.

Жизнь у нас была очень насыщенной. Досуг мы проводили активно, выезжали на море, часто ходили в рестораны, там можно было потанцевать, собирались дома, отмечали все праздники, особенно новогодние.

Не забывали нас и наши родственники. Примерно в 1964 году приехали дядя Жора, тетя Лиза, Михаил Маркович и Зинаида Михайловна. Марочка забрал всех гостей на демонстрацию, дети тоже ушли, я осталась дома, ждала водителя Витю. Он уехал за рыбой, поездка была удачной. Впервые на моих глазах он готовил черную икру. Получилось от одной рыбы полное эмалированное ведро, которое мы с ним поставили остывать на подоконник в спальне. Что было с нашими гостями, когда они увидели это ведро! Дядя Жора тоже решил не ударить лицом в грязь и купил на рынке барашка, освежевал его и угостил всех свежим мясом. Это было весной. Осенью приехали Михаил Маркович и Зинаида Михайловна, Алик с сыновьями и его жена Аллочка. Через месяц Алик с семьей уехал, а родители Марка остались еще погостить у нас. Уделили им всем мы большое внимание. Провожая их, мы загрузили в «Волгу» разные заготовки, рыбу, одарили подарками. Отец был очень растроган и без конца благодарил нас за царский прием. Этот их приезд оказался последним. В марте 1965 г. не стало с нами хорошего человека Михаила Марковича. Ему было 59 лет. У меня было ощущение, что я хоронила и своего папу, который не вернулся с фронта. Разделить с нами горечь утраты приехали все мои родственники. Мы забрали в Ейск Зинаиду Михайловну.

Нам с Марочкой выделил путевки в санаторий в г.

Сочи, но неожиданно руководство предложило ему командировку в Болгарию и в Румынию в составе руководителей винзаводов и винсовхозов.

Сообща решили от такого предложения не отказываться. Я уехала отдыхать в Сочи, Марочка готовился к поездке. Это была наша вторая разлука. Будучи студентом, он был на военных сборах целый месяц. Я писала ему письма каждый день, в основном, об «успехах» Майечки, ей тогда не было еще и года. Он потом часто вспоминал, как ему все завидовали, что я так часто писала.

Марочка не любил писать письма, но за 14 дней командировки он превзошел себя. Вот даты его писем (сохранившихся) 22.05., 28.05., 02.0., 03.06., 07.0., 12.06.

Наконец, наш родной человек вернулся. Все были неимоверно счастливы, а испытания в нашей жизни опять напомнили о себе. Заболел дядя Жорочка. У него обнаружили уже неоперабельный рак легкого. Я вспомнила, что он споткнулся о порожек, когда приехал хоронить Михаила Марковича. И мне сказали — это плохая примета. К сожалению, она подтвердилась. Ушел из жизни великий человек. До войны он слыл веселым, беззаботным, любившим женщин и большим поклонником Бахуса, а после войны собрал вокруг себя всех, кто нуждался в его помощи. С ним жила бабуля, Марийка, Лизочка, подолгу гостила Азочка, а мне и Юре он заменил отца и мать, кроме того, очень много времени проводили у него в доме племянники его жены: Вера, Соня, Миша. Только став взрослой, я поняла, какую непосильную ношу взвалили на себя дядя Жора и тетя Лиза.

Нас всех угнетало то, что мы не можем ему ничем помочь во время его болезни. До сих пор передо мной картина: во дворе гроб, рядом сидит вся в черном сухонькая моя родная бабуля — воплощение нестерпимого горя и отчаяния. Она хоронила последнего, четвертого сына. Никому не желаю пережить такого горя! А жизнь продолжалась по своим законам. Мы получили трехком-

натную квартиру, произвели отделочные работы, дети учились успешно, бабушки, слава Богу, были живы. На работе все ладилось, но мне давно надо было удалить гланды. В Ейске оперировать отказались, боялись осложнений и направили меня в Ростовский мединститут. Горло было в безобразном состоянии, образовались кисты и спайки, операция продолжалась 1,5 часа. После нее мне три дня не разрешили разговаривать. Испуганный Марочка (у меня сохранились его письма) пытался меня подбодрить, сообщил, что к моему приезду домой купил мебельный гарнитур, шутил, что я у него действительно «генеральша», т.к. такой гарнитур был у нашего генерала Б. М. Ривкина, начальника ЕВБАУЛ.

Наконец, я дома. Марочка меня привез, а маму срочно положили опять на операцию, проложили какой-то новейший материал для укрепления мышц живота. Пережили и это.

На заводе дела шли прекрасно. Оклад мой, конечно, существенно отличался от Сенновского, но меня ожидал еще один сюрприз. Марочка, вернувшись из Краснодара, смущенно сообщил мне, что ему необходимо сократить одну производственную единицу, увольнять он не может никого, так как я работаю на заводе. В этой связи он принял решение перевести меня и еще одного сотрудника на полставки. Я его понимала, положение щекотливое, но в сердцах заявила: «Зачем мы сюда переехали? Ни зарплаты, ни положения, ни хрена!». На что Марочка ответил: «Извини, но последнее-то есть!». Эта фраза стала потом крылатой в нашей компании.

Задолго до этого директор совхоза «Урожайный», Крохин В. Н., был на совещании в Темрюке. Наши коллеги, узнав, что он из Ейска, наперебой просили передать привет и лестно отзывались о нас как о специалистах и, вообще, как о людях. По приезду он встретился с нами, познакомился, предложил мне работу — завпроизводством. Это был прогрессивный человек, он только что вернулся из трехлетней командировки на Кубу и решил

в сельском хозяйстве наладить переработку винограда, овощей. Видимо, думал, что я справлюсь с этой работой. Оклад мне был предложен в 4,5 раза выше, чем на винзаводе плюс премиальные до 5 окладов в конце года при успешном выполнении плана. Не меньше, чем материальная сторона меня радовало, что я опять буду в гуще производства, но боялась одного - совершенно не знала консервное производство. Я пока не дала согласие, обзавелась литературой по технологии консервирования, познакомилась с главным инженером и главным механиком Ейского консервного завода, стала у них частым гостем.

В 1968г. я начала свою трудовую деятельность в совхозе. При знакомстве с производством я ужаснулась – везде преобладал ручной труд. Но мне повезло со специалистами: Мария Петровна, зав. Лабораторией, грамотный, честный, исполнительный человек; главный механик Иван Васильевич Букин, бывший танкист, исполнительный, грамотный специалист, прекрасной души человек; бухгалтер Раиса Петровна, скромная, грамотная женщина.

Я сразу предупредила их, что будем все менять, надо повышать производительность труда, механизировать все трудоемкие процессы по подобию винзаводов. Все, что я предлагала, Иван Васильевич претворял в жизнь. В первую очередь модернизировали цех переработки. Теперь все изменилось. Сырье разгружали автоматически в бункер со шнеком, для этого установили тельфер. Не стало очередей. Для транспортировки жидких продуктов освоили стеклопровод. В трехэтажном здании рабочие носили перед собой десятилитровые баллоны с продукцией, мы рассчитали и изготовили вертикальный подъемник, механизировали подъем бочек с вином из подвала и погрузку их на автомашины. Меня не устраивал объем выпускаемых соков и маринованных овощей. В наличии для этих целей было всего три маленьких автоклава. Я изучала технологический процесс на Краснодарском,

Ейском консервных заводах. Они использовали следующий принцип: по желобу с горячей водой двигался транспортер с продукцией в банках, но вода в Ейске в то время была очень агрессивной (соленая с большим содержанием сероводорода), железные цепи постоянно выходили из строя. Я решила заменить горячую воду подогретым воздухом, но не могла для расчетов найти теплотехника. Пришлось самой садиться за расчеты.

Приобрели шесть мощных калориферов, но по моим расчетам расстояние в цехе для протяженности транспортера было недостаточным, надо было пробивать стенку в другой цех. Пошла согласовывать эту идею к Виктору Николаевичу и запомнила его ответ на всю жизнь: «Запомните, у нас в стране инициатива наказуема. Решение Вам придется принимать самой.» Сломали стену и через две недели праздновали – выработали в баллонах продукцию прекрасного качества и значительно увеличили производительность труда. Особенно был хорош томатный сок!

Это достижение имело большое значение. Рабочих рук не хватало. Работали, в основном, подростки в летние каникулы. Один год Майечка тоже работала и при разгрузке вагона со стеклотарой моя девочка сильно порезала ножку.

Я приводила недавно в порядок бумаги, оставила только небольшую часть похвальных грамот Марочкиных, моих, Майечкиных, Лекиных, в том числе удостоверения на рационализаторские предложения №11 и №12 на мое имя и на имя Букина И. В., грамоту за третье место по стрельбе на мое имя, грамоту Марочки за успехи в игре в бильярд. К сожалению, многих бумаг нет. Работу цеха я организовала в сезон в две смены. Я приезжала за час до работы, и когда мастера и рабочие приходили на работу, стеклобанки уже парились для мойки. Затем я ждала, пока наладится работа во второй смене и только вечером отправлялась домой. Мамы тогда с нами не было. Управлялась дома уже поздно

вечером, но это был привычный стиль жизни для нас с Марочкой. План выполняли, я с коллективом получала хорошие премии. У Марочки тоже все было хорошо! Дети, слава Богу, хорошо учились.

Приехала мама в тяжелом состоянии. Материал, который использовали в предыдущей операции, оказался для нее несовместимым, пришлось все это удалять. Я четырнадцать дней не выходила из маминой палаты. Спала на полу около ее кровати, наверное, чувствовала, что нельзя уходить. На восьмой день начался перитонит. Спасибо Федору Андреевичу, он передал нам самолетом лекарства, как сейчас помню название – олететрин. Мама поднялась. Видимо не пришло еще ее время и слава Богу!

На работе я очень уставала. Давал о себе знать мой травмированный позвоночник. Очень часто были обострения, вплоть до неподвижности, как по графику – раз в три месяца. Все советовали больше быть на солнце и на море. Но перед нами стояла более важная задача. Майя очень хотела идти в медицинский, но Марочка считал, что врачом может стать только человек, который полностью посвятит себя лечению людей, что это очень большая ответственность и убедил ее поступать на отделение психологии философского факультета Ростовского университета. Вскоре мы счастливые с Майечкой звонили папе – Майечка стала студенткой. Моя доченька всегда была полна сюрпризов. Она приехала к нам на три дня. Перед отъездом начала плакать навзрыд, что не хочет от нас уезжать. Уговорили. Повезли с Марочкой ее в Ростов, и он в очередной раз поразил меня своей чуткостью. Мы выгрузили Майечкины вещи, продукты, он неожиданно сказал Лидии Захаровне, что Майечка почувствовала себя плохо, и мы заберем ее домой на некоторое время. Видимо, у него была особенная душа. Домочадцы были невероятно рады нашему совместному появлению. Наши друзья были в недоумении от поступка Марка. Особенно Назаров.

Кстати, можно только с удовольствием вспоминать, как мы прекрасно проводили свободное время. Не было предела нашим фантазиям: вылазки на природу, походы в ресторан, застолья дома (чаще всего у нас).

Не иссякал поток наших гостей. Фактор моря и наше гостеприимство способствовали этому. О существовании некоторых родственников мы даже и не имели представления. Так, приезжали к нам двоюродный брат Марочки, его тоже звали Марк из Казахстана, двоюродная сестра Лена с подругой из Фрунзе, двоюродные братья, тети Бетины сыновья-близнецы – десантники. Гости из Кавминвод, Дагестана, Харькова, Москвы. Симочка приезжал из Пятигорска на мотоцикле.

Дома было принято решение, что я меняю работу. Председатель исполкома Коков К. Д. предложил принять завод металлоизделий (мечтал наладить выпуск эмалированной посуды), фабрику химчистки, зеленстрой. В это же время мне предложили стать директором базы отдыха на пляже от Москвы.

Нас соблазнило то, что я буду работать на море, но не подумали, что там нужно будет работать и в марте, и в апреле, и ноябре при низкой температуре и постоянных холодных ветрах. Согласие было дано. Не буду описывать впечатления от домиков (внутри и снаружи), но не могу не написать, как были приятно удивлены Москвичи. В первую же весну я провела косметический ремонт, домики были художественно раскрашены снаружи, отремонтированы временно внутри. Посадили очень много деревьев. Мне прислали от них первую премию в размере оклада.

Итак, работать я начала на базе отдыха в 1973 году в январе и доработала до апреля 2006г. Всего-навсего 33 года. Ну, это я забежала вперед.

Базу отдыха из десяти домиков построили полярные летчики, руководителем их ведомства в Москве был Дагаев, бывший секретарь Василия Сталина. В том же году произошло знаменательное событие – Марочка получил

возможность поехать в командировку во Францию. Это была наша третья разлука. Весточки из этой поездки почему-то не сохранились, но впечатлений у Марочки была уйма. Денег командировочным давали очень мало, но он смог всех нас удивить: больше половины он потратил, чтобы купить для меня парик, так как решил, что у меня обязательно должна быть такая модная вещь. Чтобы его порадовать, я надела его несколько раз на свои, тогда еще роскошные волосы.

Прошло время и наступила пора поступать в институт и Леночке. Она поехала сдавать экзамены в тот же университет, но к моей теперешней радости, ей не хватило 0,5 балла. Тогда впервые учитывали средний балл школьного аттестата. Подвела физкультура. Конечно, мы расстроились. Особенно Марочка, но я самоуверенно решила, что Бог нам помогает. На семейном совете было принято решение, что Леценька поедет сдавать экзамены в РИНХ на заочный факультет. Слава Богу! Я этому рада и сейчас. Это практичная специальность, хотя учеба далась Леночке тяжело. Тогда были драконовские законы, что заочники должны обязательно работать. Весь первый курс она работала на заводе «Полиграфмаш» в отделе главного технолога чертежницей. Второй курс она училась на вечернем отделении и тоже работала в Ростове. После второго курса ей предложили перейти на дневную форму обучения, но надо было досдавать много предметов и решили, что в армию ей не надо и можно потерять один год.

Наши девочки жили на частной квартире, об общении Марочка и слышать не хотел. Вместе с ними жила Оленька, студента художественно-графического факультета пединститута. Они очень подружились и остались дружны до сих пор. Мы почти каждую неделю ездили к девочкам, наконец, они были снова вместе и мы были очень этому рады. Все вроде наладилось, но покой нам только снится. Заботы на работе, заботы о бабушках, но все равно мы вели активный образ жизни, часто

встречались с друзьями, все любили играть в «Кинга» на море. В нашу компанию влился Бобров В. И., он до получения квартиры жил на базе в домике ДСУ. Как-то он посетовал, что должна на месяц приехать жена, остановиться негде. Марочка тут же предложил: «Бабушек сейчас с нами нет, мы уезжаем на месяц в санаторий, можете жить у нас». В этом был весь Марочка. Он почти не знал человек, только познакомился с ним, а уже предложил ему кров. Я не писала, что почти каждый год мы ездили лечиться в санаторий. Тогда была такая возможность. Наконец, Марочке как передовику производства в Краснодаре выделили «Москвич 412», сами понимаете, как мы были рады. Но как только у Марочки появилась возможность сесть за руль «Жигуленка» нашего приятеля, он твердо решил заменить машину. Никогда не забыть, как секретарь Крайкома партии Медуннов с трибуны Краевой партконференции клеймил Марочку за спекуляцию машиной. Бог его потом наказал. Его клеймили за все его проступки в скором времени. Но с характером Марка, с его мнительностью, трудно даже представить, что ему пришлось пережить, хотя все его успокаивали. Все проходит и это огорчение прошло. У Марочки к тому времени уже был диабет в тяжелой форме, беспокоили почки – в них обнаружили камни. Мы решили поехать в Трускавец свои ходом. Поездка была тяжелей: зима, холод гололед. В дороге разбилось лобовое стекло, пришлось в ближайшем городе его покупать, а на обратном пути чудом избежали аварии. Марочка уже очень уставал за рулем, и я поняла, что должна сама научиться водить машину. По приезду пошла на курсы водителей, которые успешно закончила. Это был 1975 год. Я ездила за рулем до 2005 года. В последующие годы жизни я буду всегда с благодарностью вспоминать, как Марочка поддерживал меня в желании получить права, никогда у него не возникало сомнения, можно ли доверять мне машину.

Но покой нам только снится. Приехал Валерочка сва-

тать Майечку. Мы немного растерялись, ведь ей еще надо было учиться, но вспомнили свою женитьбу, и что тогда мы дали слово не мешать детям принимать решение в этом вопросе. Кроме этого, на наше решение повлияло то, что до этого Майечка переболела воспалением легких, ей поставили диагноз – туберкулез. Нам удалось ее подлечить в течение 1,5 месяцев в Московской клинике. Слава Богу, все обошлось, Майечка выздоровела и даже без академического отпуска отлично сдала экзамены.

Папа у Валеры умер после войны. Он жил с мамой и отчимом. Мусей Ароновна была властной женщиной, но это был высокообразованный, отзывчивый, хлебосольный человек. У нее всегда гостили и жили племянники, дети ее довоенных друзей. Она и ее муж (отчим Валеры) Ефим Маркович посоветовали Валерочке поскорее жениться на Майечке, а то, как они выразились, больная еврейская девочка живет у чужих на квартире. Сами понимаете, это нас тронуло. Но нас, особенно Марочку, беспокоило то, что у Валерика ночная работа. Он считал, что не совсем нормально оставлять молодую жену по вечерам одну дома. Но Майечка приняла решение. Для нас это было главное. Свадьбу решили отметить в Ростове в ресторане «Балканы». Приехало много наших родственников, мы пригласили всех своих друзей, привезли бабушек, а главной фишкой нашей свадьбы стал тамада Олег – двадцать три года тому назад он был тамадой на нашей с Марочкой свадьбе. Я как водитель прошла первые испытания в Ростове, ездила в аэропорт встречать гостей, по делам в ресторан, а у самой тряслись поджилки, ведь за рулем я ездила всего один год.

Свадьба прошла на Ура! С первого этажа приходили люди посмотреть на еврейскую свадьбу, да и жених с невестой были просто загляденье. Свадебные фотографии не дадут мне соврать.

Вздохнув свободно, Марочка в шутку спросил, сколько времени даст ему наша «закусочка», как он называл Леку, до ее свадьбы. Она его успокоила, что это будет

еще не скоро.

К этому времени мы сменили квартиру на такую же трехкомнатную, с той лишь разницей, что во дворе можно было построить гараж, но дом заселили во время нашего отпуска и квартира нам досталась на четвертом этаже. Нам в то время было по сорок семь лет и мы не особенно этим огорчились. Новый дом находился рядом с парком, а главное, рядом была больница, в которую члены моей семьи попадали с завидным постоянством.

Мы сделали неплохой, по тем временам, ремонт квартиры. Построили гараж. Начали готовиться к свадьбе нашей дорогой «закусочки», и не верилось, что мы отдаем замуж нашу малышку.

Игорь не захотел регистрироваться в Ейске, считал, что это провинция, брак они зарегистрировали в Ростове, а свадьба была в Ейске. Игорь казался нам безответственным, не очень серьезным человеком, но сейчас, с позиции своего жизненного опыта, я думаю, может быть, мы предъявляли к нему очень высокие требования, примеряя все под себя? Пусть Бог нас простит и его тоже! Приехали все родственники, пригласили друзей, свадьба состоялась с соблюдением всех обычаев: битье тарелки, выкуп невесты и т.д.

Итак, мои девочки уже стали женами. Майечка уже была в положении. Позвонила Мусей Аронова и попросила помочь положить Майечку в институт акушерства и педиатрии для сохранения беременности. Потом мы не раз пожалели об этом. Как говорила Л. В. Лысова, в обычном роддоме она родила бы семимесячного ребенка, что в практике случается довольно часто, и выходили бы его.

Я хорошо помню, как в один из июльских дней я приехала в перерыв, ожидала Марочку, он вошел в комнату и сразу стал передо мной на колени. Он сообщил мне, что родился мальчик, но не выжил. Мы срочно выехали в Ростов. Майечку еле спасли, у нее развился сепсис. Столько переживаний выпало на долю моего

родного ребенка! Мы успокаивали ее, как могли, как всегда в таких случаях говорили, что все еще впереди и у нее будут обязательно дети. Майечка окончила университет, осталась на преподавательской работе, жизнь потихоньку налаживалась.

Мы уже с беспокойством ожидали, как Леночка перенесет беременность, и, слава Богу, она нас порадовала – родился Мишенька. Я в это время была в командировке в Москве. Трудно передать, с каким восторгом и радостью Марк поздравлял меня с внуком и тем, что я стала бабушкой! Это был очаровательный ребенок. Красивый, спокойный мальчик – повторение своей мамочки. Леценька еще училась, поэтому часто оставляла Мишеньку у нас. Возиться с ним было одно удовольствие, хотя спина меня донимала. Я не помню случая, чтобы ребенок проснулся без улыбки. В один из его приездов я совершила преступление: так его откормила, что он стал отказываться от пищи. Мусей Ароновна увидела его и сразу назвала баем. А потом Мишеньку посадили на диету. Через пять месяцев после его рождения на свет появилась Юлечка, изящная, аккуратная. Как куколка! Она была прямой противоположностью Мише – рано села, рано пошла! Как-то получилось, что я приехала к детям одна погостить на два-три дня. В это время позвонили из Кисловодска и сообщили, что умерла Раечка. Ей было пятьдесят семь лет. Марочка не смог поехать со мной на похороны. Леке не с кем было оставить Мишу, пришлось отправиться нам с Майечкой. Не успели мы еще выехать, как очередным звонком нам сообщили, что в дорожной аварии погиб Борис, муж моей двоюродной сестры Лялечки. Воистину! Беда не приходит одна! У Раечки так и не сложилась личная жизнь. Она одна воспитала двоих детей, дождалась рождения внучки и вот теперь ее не стало. Даже похороны ее, мне показалось, прошли в спешке. Всем надо было ехать на похороны Бориса в Нальчик. Моя тетя Федора, мама Раечки была само горе. Она в тридцать лет осталась вдовой, вос-

питала и выучила Раечку, помогала растить внуков и сейчас хоронила смысл всей своей жизни – единственную дочь. Сердце разрывалось видеть ее на кладбище. Потрясение для нее было настолько сильным, что последние годы тетя Федорочка провела под строгим надзором Азочки, Тома, Лизочки, Ляли или в психлечебнице. Закончились похороны Раечки, и мы все отправились в Нальчик. Вместе с Борей погиб его двоюродный брат. У обоих осталось по трое маленьких деток. Нас встретила Лялечка, вся в черном, теперь уже двадцатидевятилетняя вдова. Одного ребенка она держала на руках, второй уцепился ей за подол, третьего она держала за ручку. Какими словами опишешь это горе? Не знаю, как она выживала бы здесь у нас, но вскорости она уехала в Израиль. Сейчас у нее одиннадцать внуков. Дай им Бог всем здоровья!

Потрясенные всем увиденным, мы с Майечкой вернулись домой, где нас ждали наши очаровательные малыши, при виде которых мы немного ожили. Леночке было тяжело справляться с Мишенькой, а мы с удовольствием забирали его к себе. Марк оборудовал турничок в дверном проеме на кухню. Хотел его приучать к спорту. Юлечку больше пасли в Ростове. Ефим Маркович не чаял в ней души. Он рассказывал, что до войны не разрешил сыну жениться, а мальчик не вернулся с фронта. Ему трудно было себя простить. Ведь у него, как он говорил, мог быть внук. Мишенька рос послушным ребенком, но всегда чего-то боялся. Над нашим домом часто пролетали самолеты, он пугался страшно. Он бегал и кричал: «Боись!». Мы спрашивали: «Кого ты боись?» Потом он, когда пугался, просто кричал: «Боиського». А сколько стоило усилий приучить его к шуму пылесоса? У нас есть снимки того времени. Зато Юлечка росла бесстрашной. Она всегда могла выпросить у Мишеньки все, что ей надо, постоянно его кусала и щипала. А когда мы спрашивали у него о том, кем ему доводится Юлечка, он отвечал: «Кусала, щипала». Внуки повторяли моих

детей. Рано стали читать, знали очень много стихов. Из Москвы всегда везла им чемодан пластинок со сказками. Пользовались проигрывателем. Сейчас вспоминаю об этом, как о каком-то анахронизме.

Детки подрастали, продолжая нас радовать. Я предложила Марочке поменять Ессентукскую квартиру бабушки Зины на Ейск. Она уже практически все время жила у нас. Нашелся удачный вариант – однокомнатная квартира в военном городке. Зимой я забирала ее к нам, т.к. ездить с продуктами, помогать убираться зимой, мне было сложно, а летом она жила у себя в квартире. Алик приезжал отдыхать с семьей ежегодно. Им было удобно останавливаться у нее.

У Леночки назрел развод с Игорем. Она приехала к нам.

К тому времени у меня наметилась большая работа по реконструкции базы отдыха. Левин в Москве нашел организацию, которая согласилась провести все проектные и строительные работы на условиях, что в течение пяти лет они будут эксплуатировать пять процентов номерного фонда. Это были вполне приемлемые условия. Из Москвы приехала комиссия, которая занялась проектированием при моем участии. Мне не верилось, что сбудется моя мечта, проектировали двухэтажные домики со всеми удобствами, сторожевые вышки, столовую, теннисный корт, выносные столики на эстакаде. Мне разрешили увеличить площадь арендуемой земли. Проект был согласован с санэпидстанцией, архнадзором. В Москве планировали отгрузку стройматериалов вагонами, ведь в те времена ничего нельзя было покупать на месте. Нанесли с руководством последний визит к председателю исполкома. Пусть Бог меня простит, не помню, какой идиот занимал тогда это кресло, но он высказал свое предположение о том, что есть высокая доля вероятности, что базы отдыха вынесут в район завода стройматериалов.. Мои предчувствия оправдались – Москвичи на таких условиях не рискнули вкладывать деньги в строй-

ку.

Дома тоже было тревожно. Леночке было морально тяжелей всех. Мишенька скучал по отцу, у Марочки ухудшалось здоровье. Он помог Леночке устроиться на работу в плановую комиссия горисполкома.

Полоса потерь наших близких продолжалась. Не стало бабули – светлого человека, моей главной наставницы, не стало Азочки, она очень тяжело перенесла смерть своего зятя Бориса. Незадолго до ухода из жизни она была у нас в гостях. Отмучалась тетя Федора, не стало и тети Лизы.

Наши бабушки пока держались. Жили мирно. Поведением и привычками напоминали Авдотью Никитичну и Веронику Маврикьевну. Бабушка Сара – Никитична во всем: практичная, очень подвижная, быстро во всем ориентировалась и бабушка Зина: интеллигентная, «гламурная», как сейчас сказали бы.

Как только начиналось представление этих актеров, Марочка звал бабушек смотреть, как он говорил «на себя».

Марочка лежал в кардиологии, когда у Мишеньки случился приступ аппендицита. Я собиралась с ним идти на занятия в школу юных техников, а перед тем попросила «повисеть» немного на турнике. Я даже не очень поверила ему, когда он пожаловался на боли в животе. Повела его к хирургам, они предложили прооперировать его. Все очень разволновались, единственное, что нас успокоило, что была возможность положить Мишеньку в одной палате с дедушкой. Леночка в это время лежала в больнице. Сохраняла беременность Масенькой. Пригласили Игоря, чтобы ребенок был спокойнее. Пережили и это. В свое время девочкам тоже удаляли и аппендицит и миндалины.

Не могу не описать, как Мишенька учился ездить на велосипеде. Мы с Марком выходили к гаражам, там с одной стороны проезжей части он ставил меня «в ворота», отталкивал Мишу от себя, при этом кричал мне, что

бы я ловила его. Миша вопил, что никогда не научится ездить. Для наших соседей по гаражу это было бесплатным представлением. Но зато, как Мишенька научился ездить! Вскоре он мог на велосипеде домчаться от дачи до нашего дома!

Жизнь шла, мы старели, дети наши выросли, а внуки уже пошли в школу! Юлечку определили в школу с углубленным изучением французского языка, а Мишенька пошел здесь в обычную.

Первого сентября Мишеньку привели в школу. Лека, Марк и я. Пригласили Игоря. Когда детям надо было построиться в колонну, что бы идти в класс, Миша растерялся и заплакал. Он смотрел поочередно то на Леку, то на Игоря. Не мог выбрать, с кем ему будет безопаснее, и чтобы никого из них не обидеть, схватил за руку меня. Так и пошли мы с ним вместе в первый класс!

К этому времени уже уехали из Ейска наши друзья Лобовы, Зверевичи, Каплан. Начались первые серьезные болезни (онкология) у Анечки Лобовой, у Лидии Васильевны Лысовой. Это были первые звоночки. Но жизнь продолжалась по своим законам. Внуки хорошо учились, и мы все, еще, слава Богу, были живы и относительно здоровы. Работа спорилась.

Мы очень хотели с Марочкой отметить нашу серебряную свадьбу и к этому событию купить мебельный гарнитур. Тогда можно было все только «достать». Мы с Марочкой и Манюней поехали в Москву и там увидели гарнитур «Кристина», который мне очень понравился. Кстати, впоследствии помогла его купить нам наша землячка, Оля. Она работала заведующей в подмосковном городке, где жили космонавты. За два дня до юбилейной даты, мы получили контейнер. Марочка сутки собирал мебель с ребятами, а двадцать четвертого января он с трудом отвел меня в комнату осмотреть на гарнитур. Я в это время лежала с очередным обострением позвоночника. Представляете, как я была ему признательна и благодарна... Из-за болезни свадьбу пришлось отло-

жить. Решили отметить жемчужную. Мы с Марочкой всегда отмечали дни рождения всех членов нашей семьи. Пусть дети меня простят, но я не могу не написать в этих воспоминаниях стихи Сашеньки Демченко, которые он посвятил нашему пятидесятилетию.

Друзья мои, позвольте без запарки,
Но чтоб и не тянуть резины,
Вам доложить о жизни Марка
И несравненной его Зины.
Раз под Кавказским небом жарким
(Одна в горах, другой в низине),
Впервые пискнул голос Марка,
Почти тот час же - голос Зины!
Потом, как гордая цесарка, Она росла,
Он рос павлином,
Бог знал, что именно для Марка
Росла и хорошела Зина.
Возможно, на аллее парка,
А может на кинокартине
Сошлись пути впервые Марка
С тогда Пенхасовой Зиной!
Но вот под свадебную арку
Ведет (не кается и ныне)
Восторженное сердце Марка
Трепещущее сердце Зины!
Потом (я рифму поменяю,
Меня поймете вы отменно) –
Кричит в одной кровати Майя,
В другой - попискивает Лена.
А дальше, как всегда бывает,
Хоть жизнь, как будто неизменна,
Сначала - к телефону Майю,
Попозже - позовите Лену.

Года идут... в семье, как вихрь,
(Вновь рифму я чуть-чуть меняю)
У Лены вместо мамы Игорь,
Взамен отца Валера Майе.
Нет, старой рифмой не попишешь,
Коль жизнь кипит, ну точно улей,
Ведь надо рифмовать мне Мишу
С вновь появившейся девчонкой Юлей!
От смены рифм мне стало жарко,
И к первой я вернусь отныне –
Ведь пятьдесят сегодня Марку,
И ровно столько нынче Зине!
Весь этот путь пройти так ярко:
Сто лет на двух – по половине,
Вряд ли б кто мог, но в связке с Марком
Всегда шагала рядом Зина.
Друзья, позвольте эту чарку поднять
На дважды именинах
За Колоссальнейшего Марка
И Несравненнейшую Зину!

Вот такой талантливый был Сашенька Демченко. Он был душой всех наших праздничных и будничных мероприятий. Следующим знаменательным событием в нашей жизни была жемчужная свадьба. К этому событию Санечка, Марочка и Юра (художник) готовились пару месяцев. Заготовили дружеские шаржи и эпиграммы на всех, без исключения, приглашенных, стенгазеты «на злобу дня», которые вывешивались в определенные моменты праздника. Но главное было – генеалогическое дерево, выполненное на большом листе ватмана из фотографий наших родителей, наших и наших детей и внуков.

На базе отдыха «Прибой» арендовали так называемый зеркальный зал. За нашими с Марочкой стульями

нарисовали короны, летающих амуров и купидонов.

Торжество прошло очень весело. Приехали почти все родственники, все друзья, городское начальство. Утром Марочка не уступил никому везти «молодую» жену домой, хотя с ним в машине сидели еще три автомобилиста. Я думала, мы не минем ни одного дерева, слава Богу, доехали! А Марочка ведь очень серьезно «принял на грудь». Утром спешили опять к гостям. Я Марочке рассказала, как он нас вез. В ответ на его восклицание: «Зинуся, как ты могла мне доверить руль?» прозвучал наш дружный смех. Мариечка тогда прокомментировала это событие следующим образом: «Теперь я понимаю, почему ты замужем, а я – нет».

Пятидесятипятилетие тоже отметили очень весело! Вместе с Валерочкой приехали его друзья-музыканты. Какие были хорошие времена!

Произошли изменения в личной жизни Леночки. Она стала встречаться с Сашенькой, своим одноклассником. После школы Саша учился в Краснодаре, Леночка в Ростове. Мы знали эту семью и были только рады, когда они приняли решение создать семью. Сыграли свадьбу. Первое время дети жили на частной квартире, но потом, по настоянию Григория Игнатьевича, стали жить вместе. У этого брака было много трудностей, но прошли и они. К нашему большому сожалению, Григория Игнатьевича вскоре не стало. Он был хорошим человеком, земля ему пухом. Жизнь продолжалась, уходили наши друзья, а кроме того, нас подстерегала еще одна беда – антиалкогольная кампания. Как по мановению волшебной палочки с легкой руки Горбачева и Лигачева, нашлись новые вредители – виноделы. Я перестала выписывать периодическую печать. Все газеты без исключения пестрели статьями, изобличающими виноделов. Ополчились не только на одно из самых древних ремесел – виноделие, но и на виноградарство. Срочно, всем миром, наш народ начал «разрушать до основания» все, что было наработано в этих отраслях экономики. Поступающие директивы

предписывали демонтировать технологическое оборудование и утилизировать его, а винзаводы попросту закрыть, резко сократить площади виноградников.

У Марочки было развито «шестое» чувство. Он еще задолго до этой вакханалии, обдумывал, как восполнить недостаток сырья из винограда, и начал осваивать переработку плодов и ягод для изготовления качественных плодово-ягодных, именно качественных вин. Виноградные виноматериалы к тому времени завозили на завод из других районов. В стране царило ликование. Женщины готовы были целовать руки Горбачеву за трезвость их мужей, но никому было невдомек, что беда была не от алкоголя вообще, а от дешевых заменителей хорошего алкоголя. Вопреки здравому смыслу, не прозвучал ни один голос в защиту виноделов и виноградаров. Люди ложились на виноградники, преграждая путь технике, пущенной для их корчевки. Главный специалист совхоза «Магарач» застрелился, повесился главный специалист Кубанского треста. Я боялась за Марочку. Особенно запомнился случай, когда он пришел домой с сердечным приступом — он в этот день отправил «на корм скоту» цистерны с вином и был уверен, что по пути вино разворуют и разопьют. Было больно слушать, когда он чуть не плача, считал убытки от таких действий в масштабе страны. Горбачев и Лигачев торжествовали (они и до сих пор живы и здоровы, пусть живут до ста лет), но ведь отрасль, пополняющая во все времена казну, перешла в руки дельцов. Ведь обошлись другие страны без такой необдуманной политики! Они просто проводили планомерную политику, направленную на борьбу с пьянством. Весь мир знает об успехах в этом направлении скандинавов, а поляки за пятнадцать лет сократили потребление крепких спиртных напитков практически вдвое, не корчуга виноградники, а тем более, не уничтожая винзаводы.

А Марочка продолжал ежемесячно отчитываться в Краснодаре о демонтаже оборудования, а фактически

вплотную занялся созданием совершенно новой технологии производства яблочного натурального сока — так называемой безотходной. В результате переработки яблок получался сок и мука из отходов для пищевой промышленности. Для разработки безотходной технологии Марочка привлек Киевский и Московский НИИ.

Для обустройства нового цеха в Белоруссии были размещены заказы на изготовление нестандартных строительных элементов (фермы, опоры и т.д.). За четыре месяца цех уже стоял на территории завода. Есть фотографии Марочки на фоне этого здания. Этой технологией заинтересовались специалисты из Грузии и даже с Кубы для переработки цитрусовых. Но Марк понимал, что останавливаться на этом нельзя, на очереди было производство «Кальвадоса» для дальнейшего его экспорта в Румынию, о чем уже была достигнута договоренность. В одной из республик нашли медный перегонный куб. По все стране искали недостающие комплектующие детали. Уже на стадии производства было изготовление столового яблочного вина для дальнейшего получения из него спирта. А конечным продуктом должна была стать долгожданная водка «Кальвадос». На очереди встал вопрос о подготовке технологических емкостей. Марочке удалось привлечь военных специалистов. Направленным взрывом они взорвали старые железобетонные емкости, наконец, наступил долгожданный день — в цеху стояли прекрасные эмалированные цистерны. Не все его поняли в тот момент: в такое время новое создавать на старом пепелище! Это же какой верой в свое дело надо было обладать! Но здоровье подводило. Все труднее было держаться моему дорогому человеку в бодром состоянии. Отдушиной была наша дача. Спасибо Санечке Демченко, это он уговорил нас взять участок. Построили дом. На первом этаже разместили веранду, гостиную, кухню, душ и туалет. На втором этаже были комната и лоджия, отделанная дубовой досочкой. Во дворе стоял бассейн из нержавеющей стали для детей. Он так мечтал приво-

зить сюда наших бабушек на все лето! Во дворе посадили клубнику, малину, деревья, виноград и, как всегда, цветы.

Пытаясь заново осмыслить тот период нашей жизни, я думаю, что возможно Марочка перенес легче эти трагические события, окажись мы в другой среде. Перечитывая книгу «Алхимик», в голову пришла мысль, что судьба не раз посылала нам знаки - нам часто предлагали сменить работу.

г. Иноземцево – Марочка директором совхоза, я – директором винзавода;

г. Краснодар – главными специалистами Краснодарского треста;

г. Новороссийск – Марочка директором совхоза «Малая земля», я – директором Новороссийского винзавода;

Абрау-Дюрсо – Марочка директором заводоуправления, я – специалистом по созданию марочных вин.

Мы никуда не поехали, думаю, в силу своей инертности. Хотя, наверное, в любом другом месте он также остро реагировал бы на происходящее.

В 1987 г. Марочка повез меня на мою малую родину. Мы посетили городок Карачаевск на Кубани, который я раньше с любовью описала, нашли дом, в котором мы жили до войны, школу. Далее наш путь лежал в Усть-Джегуту, где мы жили во время оккупации. Нашли дом, в котором снимали комнаты, и забор, из-под которого через подкоп мы ушли в аул Усть-Джегутинский и чудом остались живы.

Трудно передать, как я была благодарна моему дорогому человеку за эту поездку. А он, мне кажется, наверняка догадывался, что нам осталось не так много времени быть вместе, но, обняв меня, пообещал съездить со мной в Богдановку, где стоит мемориал моим расстрелянным родственникам и другим жертвам массового истребления евреев. У меня в тот момент тревожно защемило сердце.

Дело в том, что за два года до смерти Михаила Марковича, Марк обещал свозить его на родину – в Очаков и Николаев, эта мечта не сбылась. Отец вскоре умер.

А жизнь шла. И мы жили надеждой, строили планы на будущее. Нас порадовала наша Леночка - она ждала ребеночка, просто не верилось в это чудо. Я уже писала, как тепло к Леночке относился Григорий Игнатьевич, но его не стало раньше, чем родилась Машенька. Чудная девочка! Мы удивлялись степени ее ликования, когда она видела Марочку, а он в ней просто души не чаял.

Наши будни все чаще омрачались потерями: не стало Лидии Григорьевны, Мусей Ароновны, тети Анечки. Мы с Марочкой боялись, что нас еще ждут потери, ведь у нас были старенькие мамы, но не знали, откуда придет беда.

На даче мне приходилось уже управляться самой. Пересадила виноград по желанию Марочки, с рабочими начала устанавливать металлический забор по всему периметру дачного участка. Благодарила Бога, что я сама за рулем, потому что не смогла бы везде успеть без машины: работа, дача, больница, бабушки.

Последний раз я отвезла Марочку на дачу в ноябре 1989 г. Походили по двору, но возникало впечатление, что он прощался со всем этим. В камине развели огонь, сидели молча, глядя на догорающий огонь. Марочка мне сказал: «Зинуся, мы вместе доживем нашу жизнь до конца и вместе дотлеем, как эти угольки...» Я и теперь не могу понять надеялся он на это или просто успокаивал меня. В нем до последнего жила надежда на то, что все вдруг прозреют и поймут абсурдность уничтожения дела, которому он прослужил всю жизнь. Все так и случилось. Но уже без Марочки.

Последний раз я привезла его домой на выходные. У нас гостили Мишенька, Машенька и Леночка. Утром мы пошли в гараж, чтобы отвезти Мишу в школу, а Марочку в больницу. Не знаю, чем объяснить, но случилось нечто мистическое, я включила зажигание, а из-под ка-

пота вспыхнуло пламя. Сразу выключила «массу», пождала немного, и, слава Богу, со второго раза машина завелась, нормально, но оставался какой-то осадок. Отвезли Мишеньку в школу, поехали в больницу. Марочка попросил меня не провожать его, потому что боялся, что неприятность может повториться и не дал мне заглушить машину. Когда я к нему в этот день еще раз приехала в больницу, он попросил, чтобы девочки не ухаживали за ним (он стеснялся их утруждать), если случится инфаркт. Его к тому времени перевели в отдельную палату, и я успокоила его, что ухаживать за ним буду только я, благо и переночевать было где. У нас было много знакомых, перенесших благополучно и два, и три инфаркта, так что мы готовились к нему. Он и в последние часы жизни заботился о нас. Погода весь декабрь была отвратительной: снег, гололед, сильные ветры. В тот день я приезжала к нему три раза. За обедом я громко и безутешно разрыдалась. Все стали успокаивать меня, но видно мое сердце что-то предчувствовало. В последний раз мы с Леночкой пошли в больницу в 19-30. При нас ему стало плохо. Врач резко выпроводила нас из палаты, началась беготня. Через какое-то время вышла медсестра и спросила: «Кто из вас Лена?». Леночка зашла, но он ничего уже не успел ей сказать... Потом вышла врач и сказала: «Все. Он умер». Это был самый черный день и самый черный час моей жизни — 20 декабря, 21 час.

В это время позвонила Майечка, Миша ответил, что мы в больнице. Майечка сразу почувствовала, что это конец, и они тотчас же выехали с Валериком в Ейск. Она поднялась на второй этаж больницы, ее окликнула санитарка и, услышав, что она хочет проведать больного Сигала, ответила ей, что он уже в морге. Бедный мой ребенок! Как мы с Леночкой дошли домой, знает один Бог. Помню испуганных бабушек, Саша Демченко приполз ко мне на коленях, рыдая от самого порога. Помню, как Мишенка сам позвонил отцу и сообщил, что у него большое горе. Умер дедушка. Позвонить отцу ему

подказало его теплое сердце.

Смерть Марочки – страшная потеря для всех. Я понимала, что его нет, но реально не могла себе представить свою жизнь без него. Спустя какое-то время, я прочла воспоминания Н. Мандельштам. Она писала о том же, что чувствовала и я. Вот эти слова: «Пока мы жили вместе, я не понимала, как смерть и умирание всегда присутствуют рядом и не отходят от нас. Пока он был жив, я не понимала смерти, но, оставшись одна, только ею и жила. Он служил мне, как бы добавочным органом чувств – я привыкла смотреть его глазами, слышать его ушами.

Когда я осталась одна, мне не хватало моих ушей и моих глаз, и я не хотела ни на что смотреть, и затыкала уши, чтобы ничего не слышать.

Зачем стала бы я смотреть, на то, чего он уже не видит или ощущает совсем не так, как я еще живая... Надо остерегаться такой близости, какая была у нас с ним, потому, что один умирает всегда раньше, а второй при жизни теряет все ощущения, которые свойственны живущим, он тоже становится мертвецом, хотя продолжает жить механически. Такая жизнь ни к чему, это тень жизни».

Она описала мою жизнь без Марочки. Похоронили моего дорогого человека с большими почестями. Спасибо секретарю райкома партии Хильчевскому Б.П., Санечке Демченко. Это он выбирал место захоронения, организовал похороны. Помню все смутно.

По инициативе Майечки Алик забрал бабушку Зину в Израиль, я тогда об этих делах не могла думать, а тем более, что-то решать.

Я жила теперь в непривычной для меня ситуации – не было рядом Марочки. Мы встречались пять лет, прожили вместе тридцать семь лет и расставались очень редко и ненадолго. За все годы – это чуть больше меся-

ца. И вдруг все изменилось. Мне очень трудно было с эти смириться.

Теперь я жила в другом режиме: работа, бабушка, посещение кладбища. Надо было думать о памятнике, об ограде могилки. Только сердце болело, что я все должна решать без Марочки, без его молчаливой одобрительной улыбки, что больше не будет замирать мое бедное сердечко при звуке его шагов по лестнице.

Камень для памятника я выбрала рваный, он символизировал Марочкино сердце. На нем попросила написать слова, передающее мое состояние «опустела без тебя земля». Хорошо помню слова Дементьева: «Никогда ни о чем не жалеете вдогонку», но до сих пор корю себя, что выбрала портрет Марочки, который плохо отображает его суть.

Ограду сделали по эскизам, которые долго создавали Марк, Санечка и художник Юра для нашего бесменного босса Федора Андреевича, ушедшего из жизни незадолго. Кто мог подумать, что они пригодятся для Марочки? Я изо всех сил старалась продлить невидимую связь с Марочкой – поминки на семь дней, девять дней, тридцать дней, сорок дней. Спала по четыре часа в сутки, а просыпаясь по инерции, старалась укрыть Марочку одеялом, как делала это всю жизнь. Видя его во сне, я боялась, что соседи зайдут и скажут ему, что он уже умер. Но ведь надо было жить.

У меня на руках осталась больная мама, к которой нужно было хотя бы два раза в день приехать, ей нужен был постоянный уход. От работы меня тоже никто не освобождал. Низкий поклон Таисии Довбне и всему коллективу, они понимали мое состояние и старались самостоятельно справляться с работой. Ездил на кладбище по три-четыре раза в день, и благодарил Бога, что я за рулем сама.

Тем временем за винзавод началась борьба. Руководство предлагало мне возглавить завод, от коллектива приходили делегации, однажды, я с ними поехала на за-

вод. Зашла в кабинет Марочки, затем в актовый зал, где он лежал последний раз и поняла, что не смогу там работать. Наверное, Бог меня уберег. Дельцы в два счета бы со мной рассчитались как с неудобной. До сих пор поражаюсь их «ловкости», с которой они довели процветающее предприятие до банкротства. Завода не стало, но не стало и нового директора. Он погиб в возрасте сорока двух лет в автокатастрофе. Бог ему судья! Думаю, они встретились с Марочкой в ином мире – два человека с полярными взглядами на жизнь.. Царствие им небесное! А я старалась не ездить мимо разоренного завода.

Вопреки здравому смыслу, я не могла смириться с тем, что Марочки уже нет и не будет никогда. Горе мое было безутешным. Так прошло семь лет. Пришла в себя, когда увидела сон, который я считаю вещим. Траурная процессия шла почему-то по улице Ленина. Марочку несли на руках. Вдруг он начал выбрасывать наружу то руку, то ногу, а его бинтовали, чтобы лишить возможности двигаться. Постепенно он превратился в кокон и, повернув ко мне голову, сказал: «Зинуся, если бы ты знала, как я устал от этого». Проснувшись, я поняла свой эгоизм, свой грех, свою вину перед ним. Ведь я не отпускала его. Я поняла правоту своих детей, они неоднократно пытались мне все это объяснить.

Мне запомнился день, когда на берегу моря стояли, сверкая на солнце, ледяные торосы. Я вдруг снова увидела красоту этого мира! Рассказала Майечке по телефону об этом зрелище, она облегченно вздохнула, понимая, что жизнь понемногу возвращается ко мне.

К этому времени произошли большие перемены на работе. База отдыха перестала быть дотационной, надо было срочно переходить на хозрасчет, наладить строящийся режим экономии. Господь решил отвлечь меня от личных переживаний. Раньше к нам на отдых приезжали сотрудники треста по льготным путевкам. Теперь все изменилось. Приходилось самой продавать путевки, заботиться о заполняемости, а для того, чтобы

привлечь отдыхающих, нужно было повышать сервис. В большинстве номеров оборудовали санузлы, в некоторых – душевые. Обустроили бытовую комнату газовыми плитами, обеспечили всех посудой, разрешили готовить. Чтобы выжить, необходимо было увеличить количество мест. Удалось хозспособом построить домики, в существующих – добавить номера. Я взяла под строгий контроль расход электроэнергии, воды, отказалась от водителя и аренды автомобиля. Все поездки осуществляла на своем «Жигуленке». В целях экономии даже бензин использовала АИ-76, вместо АИ-93.

Усилия не пропали даром. Удалось заключить договоры с турфирмами из Архангельска, Перми, Екатеринбургa, Москвы. Слава Богу, база существовала, окупала себя, и даже хватала средств, чтобы платить в Москву на содержание вышестоящей организации.

Бабулиным здоровьем похвалиться было нельзя. Иногда приходилось прибегать к услугам няни, которая была маминной ровесницей. До своей работы я привозила ее к нам домой, а вечером отвозила, но чаще мы обходились сами.

В 1994 году Игорь пригласил Мишеньку к себе в Израиль. Мы посоветовались и решили разрешить ему поехать и поближе познакомиться с жизнью на земле обетованной. Юлечка поехала в Израиль через общественную организацию «Сохнут» и жила там в интернате.

Здоровье бабушки стало еще хуже. Она уже не могла пройти и несколько метров по квартире без нитроглицерина из-за тяжелой отдышки, но держалась изо всех сил. Она боялась умереть и оставить меня одну. Но беда все-таки случилась. Ушла из жизни труженица, овдовевшая в годы войны в тридцатилетнем возрасте. Так сложилось в жизни, что ее не было со мной в детстве, но она многие годы своей жизни посвятила воспитанию своих любимых внушек. Я осталась в квартире одна. Надо было пережить и это. Бабуля Нэмие говорила в минуту горя, что сердце человека, наверное, каменное – оно вы-

держивает столько горя!

Вскоре ушел из жизни наш дорогой друг— Санечка Демченко. Близкий для нашей семьи, светлый человек, творческая одаренная личность, замечательный хирург. Царствие ему небесное!

Детки вернулись в 1997 году из Израиля. Надо было думать о продолжении образования. Израильский аттестат о школьном образовании здесь не принимался во внимание, пришлось экзамены детям сдавать экстерном. Все надо было делать срочно, у Миши был призывной возраст, а в разгаре была первая Чеченская кампания. Дети пошли по Майечкиным стопам, поступили на отделение психологии в РГУ. Это была возможность получить хорошее гуманитарное образование, и соответствовало нашим материальным возможностям, так как обучение было платным. Все студенческие годы и некоторое время после окончания университета Мишенька жил у Майечки с Валериком, дай Бог им здоровья на долгие годы! Валерик относился всегда ко всем родственникам Майечки радушно, а с Мишенькой был очень терпимым и доброжелательным. Вспоминается случай, когда он зимой, в мороз, рано утром завел машину и отвез его на занятия на военную кафедру, потому что опаздывать туда было нельзя. Все эти качества ему передались от Мусей Ароновны. Царствие ей небесное!

Я продолжала работать. В городе перестали существовать некогда мощные предприятия: «Полиграфмаш», Судоремонтный, рыбный, бондарный, металлоизделий, молочный, консервный, винный и.т.д. Жалкое существование влачили станкостроительный завод, Атракцион, пивзавод. Городские предприятия скупали бизнесмены из крупных городов. Начались наезды и на базу отдыха. Сама по себе она уже не представляла никакой ценности, но ее месторасположение у многих вызывало зависть. Я, как могла, сопротивлялась. Не польстилась на вознаграждения, которые мне сулили. Бог помог мне сохранить это место, и оно пригодилось в будущем.

Ребята окончили учебу, получили дипломы. Мишенька некоторое время работал менеджером, но эта работа не совсем устраивала его. И дело не только в несвоевременной зарплате и в ее величине. Его душа рвалась к творческой работе. Он увлекся фотографией, ведь у него по линии отца все были творческими людьми: отец прекрасно фотографировал, писал стихи; Эдик – брат отца – работал оператором на «Мосфильме». Никому не говоря, Миша поехал в Москву, попробовать себя на другом поприще. В Москве он посещал режиссерские курсы и начал работать над созданием фильма. Юлечка уже не вызывала у нас тревоги. У нее появился друг Сережа и вскоре они поженились.

За это время я потеряла Марийку. Я не буду повторять, что она значила в моей жизни. Вы и так знаете это. Никогда не приходила мысль, что она может уйти из жизни раньше меня. Когда умерла Мария, мне не сразу сказали об этом. Я не была на ее похоронах.

Это была жизнерадостная, успешная, красивая, всегда юная женщина. Преданная мама и прекрасная бабушка. Земля ей пухом! Мариечка была почетным судьей Российской Федерации, неоднократным участником Пленумов Верховного суда СССР и РСФСР. Приняла активное участие в открытии в Кисловодске филиала института экономики и права, где занимала заслуженное место декана юридического факультета. Ее внук, Костя уже защитил докторскую диссертацию и преподает в этом институте.

А на работе в это время установилась некоторая стабильность. Приобрели «Жигуленка», ввели штатную единицу водителя, наш райский уголок был на хорошем счету, но я уже подумывала о том, чтобы оставить работу. «Сельсовет», как говорил мой сторож, имея в виду голову, еще хорошо работал, но здоровье огорчало. К этому времени на базе я отработала тридцать один год. В Москве озаботились, кем меня заменить. Надо отдать должное Ирине Адриановне. Она первая озвучила

мысль, что это может быть наша Леночка. Всех устроила эта кандидатура. В Москве хорошо знали нашу семью, ее порядочность. Единственное, чего я боялась, что денег на реконструкцию базы не обещают, и она запросто может попасть в руки дельцов, которые захотят поставить у руля своего человека, но решение было принято. В Москве мне предложили пару лет поработать заместителем, чтобы дать время Леночке освоиться, но ей оно не понадобилось. Она разу стала активно решать вопросы. Еще в мою бытность директором, с Краснодаром была договоренность, что ООО «Ейская мануфактура» поставит на нашей территории два сруба. Благодаря удачно проведенным переговорам и грамотно оформленным документам, один из этих срубов принадлежит небольшому предприятию, которое незадолго до этого зарегистрировала Лена. Мне такое не могло и присниться. Вот так!

Наконец-то у нас еще одна радость! Юлечка с Сережей родили нам девочку. Благодарю Бога за этого ангелочка по имени Лизочка! Это чудо! Я вырастила двух дочек, видела, как росли внуки, но я, кажется, впервые видела такие осмысленные глаза в шесть месяцев. Надо отдать должное – Юлечка разговаривала с ней обо всем, как со взрослой, а та старательно пыталась ее понять. Конечно, свой ребенок нам всегда кажется гениальным, но эта девочка особенная. Конечно, не индиго, хотя я не могу говорить об этом уверенно. А может быть индиго?

Ученые все чаще говорят о том, что человечество стоит на пороге нового качественного скачка. В прошлые века уже произошел некоторый скачок: значительно удлинилась жизнь, увеличился рост, возникла акселерация. Сейчас пришло время качественных изменений и, возможно, дети индиго – это и есть новый путь человечества.

А вот слова психолога, члена Европейской Ассоциации психотерапевта Н. Михайловской. «В последние десять лет стали рождаться дети, совершенно не похожие на обычных мальчиков и девочек, поражают совершенно

взрослые глаза младенцев».

Вот так, Лизонька обыкновенный ребенок, это понятно, но она многого достигнет этой жизни, вспомните меня. Она рано заговорила, ей нет еще и трех лет, а она не просто выражает свою мысль фразой или словом, а поясняет, что хотела сказать, причем жестикулирует руками, ну чисто покойная Мусей Ароновна, пусть девочка живет сто двадцать лет! Юлечка заранее нашла для нее хороший детский сад, Лизочка его посещает, юная мама уже учит ее петь, приучает к технике. Марочка был хорошим отцом, Сережа вне всякого сравнения. Первые два с половиной года я Лизочку видела только на руках у его груди. Она очень подвижная, пожалуй, будет отчаяннее ее мамы и бабушки.

Вспоминаю давнее событие. Мы поехали на море в Должанскую всей нашей компанией с детьми. Я, как всегда, накануне много готовила и вздремнула, потому что была очень усталая. Никто не обратил внимания на то, что Майечка устроилась в резиновый круг, и ее унесло в море. Марочка запретил меня будить, Назаров поехал в станицу вызывать военный вертолет, а Валентин Степанов, не раздумывая, поплыл ее догонять. Это был здоровый верзила подполковник. Когда все убедились, что погоня увенчалась успехом, началось громкое ликование, которое и разбудило меня. На вопрос, испугалась она или нет, ответила, что и волноваться не стоило, потому что ее просто прибило бы на другой берег. Так и представляю, что ждет теперь эту бабулю с ее внучкой. Лизочка начинает свои рассказы словами: «А помнишь, бабуля?». А мне кажется, что она это вспоминает из своей прошлой жизни, вероятнее всего, я фантазирую. Сейчас она уже немного умеет считать, пересказывает сказки, рассуждает. Но это я описала более поздние события, а еще хочется рассказать, что Лизочка повторяет не только бабушку, но и маму.

Мы с Марочкой как-то ехали в машине и с нами маленькие Мишенька и Юлечка. Дедушка всякий раз побе-

доносно смотрел на меня, когда Миша на дорожные знаки говорил «часы». И вдруг, мы попали в лужу, стекла машины залило водой и слышим голос Юлечки: «Прямо фантазы брызгают!», а она была младше Мишеньки на пять месяцев, а шпарила уже фразами. Я; конечно, понимаю, что девочки развиваются раньше. Просто сравниваю Юлечку и Лизочку. Был еще один случай. Мы поехали в пригород с детьми. Зашли в магазин. Юлечка закапризничала, устроила истерику с падением на пол и дрыганьем ног, а потом выскочила на улицу. Марочка огорчился, что ребенок плачет, и стал нас ругать. А в это время мимо проходила свадьба. Мы выскочили из магазина, искать Юлечку и увидели, что эта «расстроенная» девочка пристроилась к свадебной процессии и, размахивая руками, уже всюю пляшет вместе с ними.

Как-то бабушка Сара поругала Юлечку за то, что она не слушалась. Видели бы вы ее. Она задрала вверх подбородок (так Майечка выглядела на всех детских фотографиях) и сказала: «Я вам сейчас такой кардибалет устрою!» Не буду описывать немую сцену. Мы опешили от такой дерзости. Юлечке удавалось рассердить даже олимпийски спокойного Мишу. Однажды, он пригрозил, что укусит ее. Эту картину я не могу вспоминать без смеха. Он открыл рот и через всю комнату направился исполнять угрозу, но Юлечки уже и след простыл! Мой дорогой мальчик был совсем неагрессивным. Мы потом еще долго смеялись над этим эпизодом. А вот еще случай. Мы наблюдали картину, как они играли возле машины. Мишенька сел за руль, рядом уселась Юлечка и начала, как лиса Алиса ласково просить его чуть-чуть подвинуться, а потом еще и еще, пока Миша не вывалился из машины. Вскоре Юлечка уже сидела за рулем. Через короткое время она уже бегала по двору, забыв про машину, но как только заметила, что Миша опять вальяжно расположился за рулем, оказалась тут, как тут. Все повторилось вновь. В результате, Миша снова оказался вне машины, а Юля праздновала пиррову по-

беду. Я описала все эти далекие события, чтобы подчеркнуть, что Лизочке, даже не будучи ребенком индиго, есть, у кого наследовать сообразительность и хватку.

Итак, я немного отвлеклась. Новый 2007 год я встретила в Ростове. На шестидесятилетие Валерика приехали Боря и Лиза из Кисловодска. Мне пришла в голову идея пригласить всех в сентябре в Ейск. К началу сентября я приехала домой и мы с Леночкой начали готовиться к приезду гостей. Благо, на базе стоял уже один готовый корпус, оборудованный, как я когда-то мечтала. Мы обычно своей семье собирались на день рождения Марочки, а в этом году была еще одна знаменательная дата – Леночке исполнилось пятьдесят. Приехали Галя, Боря, Тома, Лиза, Володя из Кисловодска, Ляля из Израиля, Риточка из Пятигорска, Майечка с Валериком, Юлечка с Сережей и Лизой из Ростова, Олечка с Геной из Каменска. Пригласили наших старинных приятельниц Н. Г. Квашу и Г. Боброву. Праздновали в кафе на берегу. Лизочке был уже годик. В разгар веселья подъехал наш дорогой Мишенька. Все были рады видеть его. Торжество прошло в лучших традициях Сигалов.

Я решила ехать с ребятами в Кисловодск. Еще будучи в Ростове, купила всем внукам подарки. Давно хотелось посетить места захоронения дорогих мне людей. Были на кладбище в Кисловодске, в Пятигорске, предварительно созвонившись с внуком Симочки. Он нас и сопровождал. В Эссентуках я искала могилку Михаила Марковича, но, несмотря на все мои немалые усилия, ее найти мы не смогли. Директор кладбища предположила, что среди многих памятников, которые были разрушены вандалами, могла быть и могила Михаила Марковича. Я плакала и просила прощения у своего свекра, за то, что за двадцать лет не приехала ни разу. Уехала с тяжелым осадком на сердце. Я описывала, как Марочка в свое время, возил меня на родину и обещал после выхода на пенсию, поехать со мной в Богдановку к памятнику жертвам фашизма, где захоронены все мои родственники,

зверски умерщвленные немцами во время оккупации. Так и не успели мы с ним туда съездить, и я решила это сделать за нас двоих. Дети отговаривали меня, боялись, что я могу переутомиться в дороге и сильно расстроиться. Но Лешенька, глубоко религиозный человек, решил, что желание старого человека нужно исполнить, выделил хорошую машину, водителя и мы с Лизочкой и Томочкой тронулись в путь. Всю дорогу Лешенька звонил и спрашивался о моем самочувствии. Дай Бог ему здоровья!

Таких населенных пунктов, как Богдановка, в России и в мире очень много. В них совершались чудовищные преступления против человечества, против еврейского народа.

В годы Гражданской войны, спасаясь от еврейских погромов, многие евреи приехали в Моздокский район, где были основаны поселения Богдановка, Менжинское и Ганшатаковка. В первых двух населенных пунктах, в основном, поселились горские евреи, в третьем – европейские. Построили жилье, открыли школы. Для решения проблемы с водой в двух километрах от Богдановки вырыли колодец 35 метров глубиной, но до воды так и не добрались. Колодец был заброшен и никто не мог даже и представить себе, какую страшную роль он выполнит в недалеком будущем. На момент оккупации все мои родственники по обеим линиям жили в селе Богдановка.

23.09. 1942 г. немцы обманным путем под предлогом эвакуации, собрали 380 стариков и детей в Ганшатаковке и сбросили их в балку за поселением. Часть этих людей была расстреляна, а часть сброшена живыми.

24.09.1942г. в Менжинском объявили об эвакуации, назначили место сбора и всех расстреляли.

25.09.1942г. жителям села Богдановка было приказано явиться к зданию школы в 4 часа 25 минут, погрузили в автомашины и вывезли к роковому колодезю. Полицейские, желая выслужиться, вели себя изощренно. Они убивали мужчин и подростков на глазах у женщин, а ма-

леньких детей, их набралось около семидесяти человек, отобрали у матерей, и отправили в здание школы, где держали их долгое время голодными. Местные жители просили отдать им детей, но это было бесполезно. Однажды, к школе подъехал немецкий грузовик. Мертвых детей забросили в машину, а уцелевшим в этом аду, макая кисточку в раствор цианистого калия, смазывали губы. Трупы детей фашисты закопали в котловане.

У колодца продолжалась жуткая расправа. Из 473 человек выжила только одна девочка Алиса Призова. Перед расстрелом к коменданту подошла русская женщина и попросила отпустить девочку, выдав ее за свою внучку. Офицер почему-то сжалился и отпустил ребенка, а когда ребенок уходил, вслед ему неслись душераздирающие крики матери с мольбой вернуться.

Я сделаю отступление. Если вы помните, я описывала раньше, как перед войной к нам в гости приезжал мой дядя. Так это был ее папа — начальник погранзаставы. Как только начали рваться первые снаряды, он успел забежать домой и уговорил свою жену уходить на восток. Если об этой семье снять фильм, то вряд ли кто поверит, что это могло произойти на самом деле. На велосипеде с тремя детьми они — от пограничной заставы в Бресте дошли до Богдановки, ведь там были все их родственники, но беда настигла их и там. Они спасались, считая, что беду вместе с родными людьми перенести легче, добрались через полстраны пешком. Поди, знай свою судьбу!

По словам старожилов, еще несколько дней в этих населенных пунктах, были слышны стоны живых, но уже погребенных людей.

Местный мальчик во время расстрела людей, сидел в кустах и видел, как сбрасывали их в колодец. Зрелище так потрясло его, что он остался немым на всю жизнь. Алиса выросла, уехала в Мурманскую область и приезжала на открытие памятника. Я виделась с ней только один раз. Когда вернулась советская армия, ее стали

вызывать на допросы, не доверяли, допытывались, каким образом она осталась жива. 9 мая 1990 г. она подробно рассказала о том, как были уничтожены жители ее села. Ее рассказ сняли на видео и отправили в Израиль. Теперь эта запись хранится в музее Яд-Вешем в Иерусалиме. Судьба этих трех сел – это судьба моего народа, и я выполнила свое и Марочкино заветное желание – побывала на мемориале в Богдановке. В конце октября я вернулась в Ейск. Нам с Лекой не хватало нашей Машеньки. Она, окончив школу с золотой медалью, тоже поступила в РГУ на отделение романо-германской филологии.

Я не знаю, как объяснить, но видимо, у каждого человека в жизни бывают случаи, как говорят – знаки. Не сомневаюсь, что это и случилось со мной. Вскоре после моего возвращения из Кисловодска, позвонила женщина, и сказала, что меня разыскивает знакомый моего мужа. Я попросила дать ему мой номер телефона. Этим человеком оказался двоюродный брат Марка – Славик. Я очень обрадовалась, пригласила его с женой в гости. Он не мог меня найти, потому что не знал моего номера телефона, а фамилий девочек после их замужества не знал. Встретились очень тепло. В Ейске как раз гостила Юлечка, они познакомились. Можете представить, как я обрадовалась, когда в беседе выяснилось, что могилка Михаил Марковича цела, и Славик за ней ухаживает. Слава Богу!

Потом Славик приезжал со своей женой Лидочкой еще раз. Мы с девочками были только рады. Помогли немного материально, он собирался поехать к своим детям в Израиль подлечиться, но не успел это сделать. Через полгода его не стало. Царствие ему небесное! Оборвалась последняя ниточка, соединявшая меня с Марочкой. Большое счастье, что я успела увидеться со Славиком.

В конце ноября поехала в Ростов по приглашению детей. Теперь здесь было неоценимое общество Лизочки. Маленький человечек приносит много радости в нашу

обыденную жизнь – восхищает и радует.

Майечка все также мотается по командировкам, я много общалась с Юлечкой и Машенькой. Очень меня порадовала Юлечка тем, что поступила на подготовительные курсы по вокалу в Ростовскую консерваторию.

Она прекрасно исполняет джаз, вокал у нее прекрасный, поет на иврите, французском, английском языках. У меня сохранилась запись в ее исполнении очень красивой грузинской песни. Возможно, с возрастом я стала сентиментальной, но без слез ее пение я слушать не могу. Она не перестает меня удивлять – собирается Лизочку в четыре года определить в детскую джазовую школу.

На лето уехала в Ейск, и сама себя удивила количеством заготовок консервированной продукции, которые сделала. Благодарю Бога и всех моих ангелов-хранителей!

Захотелось повидаться с женщинами, с которыми проработала много лет и пригласила их в гости. Посидели за столом, к концу застолья Леночка дала нам машину, мы съездили на базу отдыха, а потом посетили своих мужей на кладбище. Спасибо Леночке за эту поездку, а еще спасибо за то, что мы увидели на старом месте нашей работы. На месте старых одноэтажных домиков стоял прекрасный двухэтажный корпус с номерами, оборудованными всем необходимым. Красивый интерьер, стильная наружная отделка. Все мы увидели то, о чем когда-то мечтали. На фоне этого корпуса, сохранившиеся еще старые постройки, выглядели очень жалко, без слез на них смотреть было нельзя! Но, в свое время, они честно послужили нам, и когда-то поддержали базу на плаву. Без них, старых и жалких, не было бы новых и красивых.

Я очень рада за Леночку. При ней претворилась в жизнь моя мечта – видеть базу именно такой, возрожденной. Хорошо, что нашлись люди, которые поняли, что за райский уголок – база отдыха «Песчаная коса»!

В декабре 2008г. я приехала в Ростов. Состояние моего здоровья убеждало нас, что на операцию по удалению желчного пузыря нужно решаться. 2 марта мне сделали операцию, Слава Богу, все прошло благополучно, но реабилитационный период затянулся на шесть месяцев из-за позвоночника. Спасибо Майечке, ею было принято все: иглотерапия, массажи, инъекции. Валерик по этому поводу пошутил, что такая добрая бабушка, а за пазухой носила 400 камушков, их действительно было столько. Спасибо Леночке, она обеспечила нам материальную поддержку, благодаря созданному ею предприятию. Дети решили основательно взяться за мое лечение. Мы полностью занялись лечением зубов. Низкий им поклон .

Машенька закончили бакалавриат, на «отлично» защитила степень бакалавра и продолжила свое образование в магистратуре. В добрый путь! Она умница, учится хорошо! Юлечка успешно отучилась первый год на подкурсах в консерватории. Мишенька упорно держится в Москве, весь в творческих планах , даст Бог, они сбудутся Я горжусь и радуюсь за деток!

У нас в этом году еще одна большая радость – Машеньке родители купили свой маленький уголок – миниатюрную однокомнатную квартирку! Слава Богу!

Я описываю события конца 2009 года. С девочками обсудили и согласовали план на будущее. Хотим продать мою квартиру и взамен купить Мишеньке в Ростове и мне в Ейске по однокомнатной квартире. Будем на это надеяться!

Я счастливый человек и хочу поблагодарить за свою счастливую земную жизнь, которую я уже почти завершаю, Всевышнего, ангелов-хранителей и всех моих небесных покровителей!

В самых критических жизненных ситуациях, казалось бы, в безвыходных, у меня все завершалось благополучно. И вот тому примеры.

В 1938 году папочка взял меня с собой в командировку в ст. Зеленчукскую (в районе Домбая), хотел показать меня в электричке, показать природу. Пока он читал доклад, беседовал с людьми, я отправилась собирать цветочки, теперь я понимаю, в кого уродилась Лека, и забрела в топкое болото, о коварстве которого знали местные жители, а я не имела даже представления. Меня вытащили случайные прохожие с помощью досок и веток, когда меня затянуло уже почти по горло, но громко кричать, я еще могла.

В четырнадцатилетнем возрасте я отправилась купаться на р. Кубань с Юрочкой и Лизиком. Юре было три года, Лизику - четыре. Меня не устроили мелкие ручейки, которые мы миновали, и отправились к большой реке. Буквально спустя несколько минут я оглянулась на странный шум. Вода в ручьях, которые мы только что легко перешли, стала стремительно прибывать. Она помутнела и по ручьям, переворачиваясь, неслись большие коряги. Я поспешила вернуться. Лизочку взяла на руки, Юра держался за меня. В самый критический момент на пригорке появился пастух со стадом. Он спустился и помог нам, буквально в последние мгновения. Наверное, его уже нет в живых! Царствие ему небесное! В тот раз я очень испугалась, ведь река, увеличивающаяся у тебя на глазах, картина не из приятных.

Думаю, что из-за этих двух случаев всегда панически боялась воды. Марочка удивлялся, что я боялась даже, когда в ванной набиралось много воды. Немало усилий стоило ему научить меня плавать хотя бы по-собачьи.

Я описывала и наше случайное спасение во время оккупации. Мы ушли ночью, а на следующее утро, не дождавись душегубки, полицейские вывели всех, кто еще был с нами, и расстреляли у стен церкви. Нас спасло доброе дяди Жорочкино сердце, которое оценили Вышшие силы. Если бы не так, то не было бы и моих деток, и моих внуков и правнучки.

В 1988 г. я решила оставить работу. Марочка угово-

рил меня поработать еще полтора года и вместе с ним уйти на пенсию. Но этому не суждено было случиться. Он ушел из жизни, не дожив до пенсии. Если бы не Марочкина просьба, я осталась бы без работы, которая не только мне помогала отвлекаться от страшной тоски, но еще долгих 18 лет работала и получала зарплату, что для нас с бабушкой было немаловажно, хотя дети всегда помогали нам, да и рабочее место Леночке сохранила.

Мы с Марочкой пережили несколько ДТП, причем серьезных, потому что отдыхать всегда ездили зимой, когда дороги особенно опасны. Слава Богу, все обошлось!

Не раз мысленно благодарила Марочку, что он уговорил меня окончить водительские курсы. Как мне это пригодилось в жизни!

Много раз в жизни я падала, причем очень серьезно. Но всегда Господь уберегал меня от переломов, хотя последствия от ушибов ощущаю постоянно.

В последние годы одно счастливое известие меня порадовало особенно. Марочкин племянник – Мишенька, назвал своего сына Мариком, и теперь я знаю, что на земле обетованной, в Израиле, живет маленький Марк Михайлович Сигал. Я уверена, что он вырастет хорошим человеком, пусть он и его родители живут до ста двадцати лет! Хотела навестить его и в 2008 году даже оформила загранпаспорт, но здоровье пока не позволило осуществить эту мечту.

Я счастлива родственниками. У нас был очень большой дружный клан. Все жили с любовью к близким. Старшие заботились о младших, младшие их сердечно любили и знали, что знание жизни достигается через послушание старшим, а последние были убеждены: спокойствие достигается через раздачу подаяния, и то, что плохо для тебя, не следует применять к другому – это и есть справедливость. Я думаю, что все это происходило, скорее, на интуитивном уровне, но жили по этим законам. Сейчас круг родственников немного сократил-

ся. Старшее поколение ушло в мир иной, многие живут за границей. Младшее поколение живет в других, более комфортных условиях, которые, возможно, и не требуют жертвенности от других и для других, но мы стараемся поддерживать связь. И теперь я самая старшая в нашем клане.

Вспоминая свою жизнь, могу с уверенностью сказать, что я счастливая женщина. Самая большая награда от моей судьбы – это то, что я встретила с Марком. Теперь можно говорить и писать об этом – уже не сглазишь. Я любила и была любимой женщиной. Пусть Бог простит мой грех, но я всегда гордилась своим избранником. Я постараюсь писать кратко, но боюсь, что не получится. Марочка всегда со мною рядом. У нас было так много хорошего! Мы вместе радовались успехам детей. Нас всегда окружали близкие друзья, с которыми мы проводили все более или менее знаменательные даты, сопровождавшиеся бурным весельем, юмором. С нами жили наши старики, к нам приезжало много родственников, которым мы всегда были рады, даже если, иногда, бывало и хлопотно. При звуках хорошей мелодии из времен нашей совместной жизни, я вновь мысленно танцую с ним танго или вальс-бостон, ловлю, как наяву, доброжелательные взгляды и испытываю благодарность, любовь, восхищение и признательность к своему любимому человеку за то, что он со мной и дарит мне столько счастья.

Последние годы он чувствовал себя неважно, но, иногда, вечером, услышав хорошую мелодию, сбросив комнатные тапочки, галантно приглашал меня на танец – за эти мгновения можно многое отдать... В такие моменты почему-то хотелось плакать. Может быть, чувствовала скорую беду? Мама, глядя на нас, часто говорила, что если бы мы не встретились в этом мире, то обязательно наши пути пересеклись в иной жизни.

До последних дней его жизни, я с замиранием сердца, слышала его шаги в подъезде, когда он возвращался

домой. Вспоминаю, как он признательно улыбался мне, увидев уже открытую дверь.

Я уже писала, что каждый день разлуки был для нас испытанием. Однажды Мариечка и Костя решили приехать к Майечке в гости в Ростов, и пригласили туда и нас. Марочка не смог поехать, так как был занят, и я отправилась одна. Очень захотелось повидаться со всеми. Через два дня я позвонила домой и попросила выслать за мной машину. Каково же было наше удивление, когда вернувшись из очередного вояжа по магазинам, мы увидели во дворе машину, и в ней Марочку. Все очень обрадовались, а на мой вопрос, почему он приехал сам, услышала, что в противном случае он увидел бы меня на несколько часов позже... А ведь здоровье у него уже было неважным.

Я прошу прощение у моих детей за такое пространное изложение событий, но, быть может, это последняя возможность, выразить на бумаге слова благодарности, признательности и преклонения перед светлой памятью их папочки – мужчины всей моей жизни, который смог до конца своих дней сохранить запах полыни из нашей юности.

Я никогда не задумывалась над тем, что могу в этом мире остаться одна, а когда это случилось, у меня не стало главной жизненной опоры, моего покровителя и защитника, не стало молчаливой и доброй улыбки, которой было достаточно, чтобы сделать меня счастливой.

В жизни у нас, конечно, были ссоры, недоразумения, страстные выяснения отношений, инициатором которых чаще бывала я. Разногласия по служебным и домашним поводам. Всего было предостаточно, но все заканчивалось счастливым примирением, инициатором которых был почти всегда он. В отличие от меня, он не умел долго сердиться, подтрунивая надо мной, что я человек «княжеских кровей» и могу позволить себе капризы. У нас было главное – мы любили друг друга, своих деток, своих родственников, уважали своих стариков, получа-

ли колоссальное, неподдельное удовольствие от результатов своей работы. Мы, как водится в этой жизни, часто страдали и терпели, потом радовались, видимо, для того, что бы понять, что жизнь, все-таки прекрасна!

За свою жизнь мы с Марочкой построили хороший, добротный дом, посадили очень много деревьев, в буквальном смысле этого слова, были строителями на работе, вырастили двух прекрасных дочерей, досматривали своих стариков. Я благодарю Бога, это с его благословения и с его помощью мы смогли сделать все, что мы сделали.

Накануне 2010 года я увидела сон, который хочу описать. Во сне я чувствовала угрозу моей семье в образе женщины, одетой во все черное, и даже ясно разглядела черную маску на нижней части ее лица. Особенно запомнились ее недобрые, злые глаза. Вдруг, я почувствовала, что все вокруг озаряется светом и, подняв голову к небу, на фоне яркого свечения вижу три фигуры. Они держатся за руки. В центре находится прекрасная женщина в развевающихся одеждах самых радужных – розовых, голубых, золотых тонов. Рукава прекрасной формы, как в сказках, а по обе стороны от нее двое мужчин в библейских одеждах, но самое главное, что мне запомнилось – яркое свечение и нимбы над их головами. Как ни странно, я их понимаю. Они без слов, всем своим видом, улыбками, успокаивают и подбадривают меня, дают понять, что все будет хорошо. А когда они увидели, что им удалось меня успокоить и подбодрить, они стали удаляться ввысь, и я потеряла их из виду. Я начала успокаивать детей. Весь день потом я находилась в благостном, радостном состоянии. Мне кажется – это знаковый сон. Пусть у деток все будет хорошо!

Как можно сомневаться в том, что в жизни все преопределено? В далекие годы в 19 веке мой дедушка по папиной линии уехал с родителями в Турцию, спасаясь от еврейских погромов и гонений. Вернулся он в Россию в самом конце 19 века, фамилия была у него с пристав-

кой Бен-Оглы, об этом мне рассказывала бабушка. Я в молодости шутила, что с Остапом Бендером меня связывает дальнейшее родство. При паспортизации дедушка взял фамилию Пенхасов, хотя правильнее было Пинхасов (от имени Пинхас).

Дедушка был уважаемым человеком. С близкими ему людьми. С родственниками он основал село Джеганас, но в годы гражданской войны, это село было практически уничтожено в результате еврейских погромов.

Дедушка уехал в Дагестан, в г. Хасавюрт, женился, а овдовев, вернулся на Кубань, где женился повторно на моей бабушке Нэмие. С соплеменниками он решил обосноваться в населенном пункте, который со временем получил название Джегутай (местные жители называли евреев «джегут»), отсюда и название. Впоследствии село выросло, население приросло русскими, и станица получила название Усть-Джегутинская, а недалеко от нее образовался аул Джегутинский, где жили, в основном, карачаевцы. В станице все очень уважали степенного, умного раввина — моего дедушку, но в голодные 20-е годы он вместе с соплеменниками выехал в район Моздока, куда уже раньше перебралось много евреев с Кубани. На новом месте им разрешили создать колхозы. В 1930 году дедушка умер, а наша семья переехала в г. Микоян-Шахар, где мы и прожили вплоть до оккупации, а дядя Жорочка обосновался в ауле Джегутинском. Когда мы пытались уйти от немцев (я описала это раньше) судьбе было угодно привести потомков дедушки именно в станицу Усть-Джегутинскую, жители которой помнили и уважали его, дали нам кров.

Воистину удивляешься сказочному сплетению событий и обстоятельств в нашей жизни. Так, небесные силы пересекли путь нашей семьи с начальником жандармерии соседнего Джегутинского аула как раз в тот момент, когда нас конвоировали в полицейский участок. Я описывала судьбу этого человека. В годы раскулачивания его семья пострадала, и дядя Жорочка всю жизнь

помогал ему. Что это? Чудо? Стечение обстоятельств? Не знаю. Но парень казался порядочным и смелым. Он использовал свою должность для спасения в своем ауле коммунистов, комсомольцев, нескольких еврейских семей. Я повторяюсь, об этом уже написано, но твердо верю, что за бескорыстное добро моего дяди, по воле Бога, молодой человек спас нашу семью от смерти. Этот случай служит лишним подтверждением, что бескорыстное добро всегда воздается.

Немного хочу написать о детях. На мой взгляд, они превзошли нас. Чему я очень рада. И вот почему. Их развитие происходит в совершенно ином информационном пространстве, чем они, кстати, умело пользуются.

Им присуще понимание того, что с ними происходит, они пытаются искать смысл в случившемся, принимать достойно удары и радости судьбы более философски, чем мы, им дано увидеть новые возможности в каждой жизненной ситуации для каждого отдельно взятого человека. Образ мышления кардинально отличается от нашего. Мы мыслили слишком прямолинейно и были ярыми материалистами. Мы жили проще, не могли мыслить глобально, как они, но честно и добросовестно несли свой крест, более или менее справлялись с жизненными ситуациями и испытаниями, решали достойно производственные задачи, осваивали новые технологии. Но то, чем занимаются мои дети в своей повседневной жизни, нам уже не по плечу. Не тот багаж знаний, не то мировоззрение – у детей совершенно новое осмысление нашего существования на Земле, духовного развития человека и его предназначения в этой жизни.

Ни в какое сравнение не идут наши экономические знания – другое время, другие задачи и, главное, в более сложных условиях, мне даже страшно представить себя на месте Леки. Я думаю, что Леночка у нас грамотный экономист, Майечка – специалист по душам и по управленческим теориям. Рада, что у них прекрасно сочетается практика и возвышенность чувств, что у меня

такие дети и внуки, они идут в своем развитии дальше нас, но никогда никто из них в беседах со мной не подчеркивает свое превосходство. Им присуща скромность и тактичность, они относятся ко мне очень бережно, и я это очень ценю.

Особая радость в моей жизни – это мой земной Ангел – Лизочка, я принимаю ее появление в нашей семье как подарок Бога. Пусть она всю жизнь радует всех окружающих.

Я очень благодарна моим деткам за мою спокойную, достойную, обеспеченную старость. Поверьте, у меня есть возможность сравнить мою жизнь с окружающим меня реальным миром моих сверстников.

Мои дети – моя гордость. Майечка и Леночка на любом уровне общения в быту и на производстве подтверждают всегда, что они достойные «Сигалы», но уже «нового разлива». Им наступают на пятки мои внуки, чему я несказанно рада. Думаю, что Марочка там, у себя, тоже радуется за них и гордится заслуженно ими.

Я взялась за нелегкое дело – описать свою жизнь, отобразить в меру моих скромных познаний, судьбу моей страны, своего народа. События, происходящие во внешнем мире, так или иначе, влияют на твою жизнь, на твою судьбу.

Размышляя о своей судьбе, я задумалась и о судьбе страны, в которой прошла моя жизнь. Наверное, господь выбрал Россию как плацдарм для проведения каких-то экспериментов. В результате нам пришлось жить в стране великих потрясений и великих достижений, в стране, где все хотят сделать «как лучше», а получается «как всегда». Никто не знает, как повернулась бы история нашего государства, если бы не революция, бросившая страну в бездну, которую, кстати, предсказывал Нострадамус. Он предсказал и утрату религии, и разрушение храмов, воцарение жестокости. Так и было. Массовые репрессии, уничтожили лучших представителей науки, культуры, видных военачальников,

и просто хороших и порядочных людей. Целые народы (крымские татары, чеченцы, немцы, карачаевцы, греки) переселялись насильно в неприспособленные для жизни районы. Грозная система ГУЛАГа обеспечивала порядок в стране. Но обо всем этом мы узнали много позже. Но, как ни парадоксально, на фоне всего этого были в стране и великие стройки, и великая победа в войне, успешное послевоенное восстановление народного хозяйства, громкие достижения в спорте, значительные успехи в науке, в освоении космоса.

В сознании людей моего поколения мирно уживаются прошлое и настоящее. Вспоминая советские времена, мы испытываем добрые чувства. Да, мы многого не знали, не каждого коснулись репрессии, но мы жили, честно выполняя свой долг. В послевоенные годы мечтали о мире во всем мире, для этого самоотверженно принимали участие во всех займах, регулярно отдавая значительную часть и так небольшой зарплаты на оборону страны. Существовал уникальный советский человек. Мы искренне верили в светлое будущее и строили его сами, в меру своих сил. Мы были честны перед собой. Как сказал М.Жванецкий: «Имей совесть, и делай, что хочешь». Так мы и прожили. Я и сейчас верю в светлое будущее своей страны. Есть много людей, о которых не говорят и не показывают их по телевидению, но они уже пишут новую историю моей страны, занимаются подрастающим поколением, стараются сохранить духовность народа. Я уверена, что мои дети, внуки и, тем более, правнуки, будут жить в гармоничном государстве. Дай Бог!

Итак, я заканчиваю свои записи. В начале своего повествования я просила у Бога дать возможность дожить до момента, когда я смогу сказать: «И летопись окончена моя!» Сбылась, благодарю Высшие Силы.

Конечно, «летопись» это звучит громко, но я попыталась, и мне кажется, удалось, скромно изложить собы-

тия, произошедшие за 80 лет моей жизни (без 1,5 месяцев). Мечтала все изложить кратко, но «получилось как всегда», ведь краткость сестра таланта, и не всем дано... К сожалению, у меня не было ни сил, ни желания, сесть заново и отредактировать написанное.

Если что-то не понравится моим деткам из написанного, прошу учесть, что это мое субъективное видение событий и, возможно, в моей памяти не все сохранилось, могла многое запомнить хуже, чем вы, поэтому прошу снисхождения и по возможности простить мне, если встретятся неточности.

Я старалась писать обо всем, как получилось – судить вам. Говорят, что на обратной стороне жизни мы увидим как кинолентку свою жизнь. Возможно. В реальности пока писала, я прожила свою жизнь заново.

Говорят, жизнь учит, а человек учится.

Жизнь постоянно преподносит нам духовные, душевные и материальные уроки для самопознания. Я признаю, что в этом смысле большое влияние оказали на меня мои дети, кроме того, человек с возрастом меняет свое мировоззрение, становится мудрее, менее категоричным и менее авторитарным.

Многое видится по-другому. Со временем начинаешь задумываться о том, как мудро все предусмотрено в этой жизни, все предопределено: горы, вода, земля, небо, в мире нет хаоса, от малейших сущностей, до человека поразительно тонко предусмотрены все животворные органы, все настолько продуманно, что порой во все это верится с трудом.

С годами я пришла к твердой убежденности, что есть Главный Создатель всего мироздания, он все предусмотрел, создал нам условия, только от нас самих зависит, какой мы избираем путь: добропорядочного гражданина или носителя зла. И мы должны быть беспрельдно благодарны, Создателю за все, чем имеем право пользоваться. Надо постоянно благодарить Высшие Силы за все блага, которые мы не всегда адекватно оцениваем.

Я понимаю, насколько наивны мои рассуждения, но в данный период, это - мое жизненное кредо. Поэтому, в отличие от Дездемоны, я стараюсь без напоминаний перед отходом ко сну или утром, если вечером не рассчитала силы, прочесть немного благодарственных молитв. Часть из них я решилась написать в данных записях, возможно с возрастом, у вас тоже появится потребность обратиться к Высшим Силам, Творцам Вселенной.

С искренней любовью ваша бабушка, мама, прабабушка.

Зэ. Сэ. (как говорит Константин)

17.03.2010 г.

Хочу написать о Марочкиной семье, хотя бы то многое, что я знаю о ней. С родственниками мы общались в основном во время наших отпусков или когда они гостили у нас.

Все они достойны уважения и доброй, светлой памяти о них. Это были порядочные и отзывчивые люди.

Михаил Маркович воевал, слава Богу, остался жив. На первый взгляд он казался суровым, сдержанным, прямолинейным, но на самом деле это был добродушный, заботливый семьянин, очень порядочный человек.

Он трогательно любил наших деток. Когда они с Зиной Михайловной бывали у нас в гостях, мы с мамой были полностью освобождены от ухода за детьми. Он заплетал им косички, водил на прогулки, а главное, с удовольствием занимался их кормежкой, много читал. Кстати, читать Майечка научилась будучи у них в гостях, он сумел ее увлечь алфавитом с рисунками, эффект был замечательный. Со временем, когда Михаил Маркович убедился, что не оправдались его самые худшие опасения относительно Марочкиной учебы, и Марк окончил институт, у нас сложились с ним самые доверительные отношения.

Переписывалась с ним я, в то время, к вашему удивлению, существовал эпистолярный жанр. Конфликтов у нас с Михаилом Марковичем не было, и всегда находилась тема для разговоров. Во время их отдыха у нас, ему нравилось возиться со мной на кухне, мы готовили фаршированную рыбу, паштеты, уток с яблоками, пекли разные сладости.

При всей своей сдержанности, он не скупился на комплименты по поводу моего гардероба, маникюра, особенно его умиляло то, что к каждому наряду я подбирала соответствующий цвет лака. У меня к Михаилу Марковичу были особенно теплые чувства, видимо, сказывалось то, что я рано осталась без папы. Его очень ценили на работе, уважали соседи, знакомые. Особенно это проявилось, когда с ним прощался весь город, провожая в последний путь, ему было всего пятьдесят девять лет.

Мама Марочки, Зинаида Михайловна, была очень деликатной женщиной, причем она была «настоящей леди», которая полностью доверялась мужу, не пыталась быть властной женщиной, всегда беспрекословно считалась с его мнением. О ней можно сказать, что за мужем она жила, как за каменной стеной. Но в тяжелое время она самостоятельно отправилась из города Очков на теплоходе в эвакуацию с двумя детками, которым было: Марочке – одиннадцать лет, Алику – четыре. Помоему, они попали в Узбекистан. Никто не хотел брать женщину с двумя мальчиками на квартиру, но нашлась сердобольная женщина, которая впоследствии очень любила детей. Там впервые, от переохладения у Марочки отказали ножки, но Бог милостив, они выжили, выстояли.

Зинаиду Михайловну приняли на работу в госпиталь в столовую, ей выдали паек, хозяйка щедро делилась с ними фруктами. Глядя на эту интеллигентную женщину, можно представить, как ей было тяжело с детками выдержать все испытания, не имея за спиной такого заботливого мужа. Устояла, выдержала, как и все женщины

войны, вернулась с детками благополучно. Вернулся и Михаил Маркович с войны, они переехали жить в город Эссентуки. Я представляю, как легко вздохнула Зинаида Михайловна после возвращения мужа.

По натуре Зинаида Михайловна была очень доброжелательной женщиной. У меня была и есть возможность наблюдать за женщинами в роли свекрови, Зинаида Михайловна, к моему счастью, отличалась от них. У нее не было диктата, она не старалась переделать меня по-своему, просто принимала меня какая я есть, и не придиралась к моему поведению и образу жизни. Она знала, что я очень люблю Марочку, а это для нее было главным. Поэтому наше с ней сосуществование после ее вдовства в течение двадцати двух лет (да отъезда в Израиль с семьей младшего сына после смерти Марочки) можно назвать комфортным.

Немного о Марочкиных корнях.

Мне, конечно, известен минимум сведений, но могу с уверенностью сказать, вернее, утверждать, что это были достойные уважения люди. Обязательные, добрые, отзывчивые и порядочные.

По папиной линии.

Дедушка Мордко Мошкович Сигал в 1919-ом году во время пребывания в городе Очакове Белых войск, был арестован и на первомайской батарее расстрелян как коммунист – работник ЧК.

К удивлению, справка – подлинник об этом злодеянии, сохранилась у меня в папке с письмами.

Бабушка – Майна Моисеевна, служила в синагоге, вела домашнее хозяйство, воспитывала сыновей. К сожалению, она отказалась эвакуироваться с Зинаидой Михайловной, осталась в Очакове и разделила участь многих евреев во время оккупации – была расстреляна. По рассказам Михаила Марковича, она была очень мудрой женщиной, все считались с ее мнением, приходили к ней со своими бедами и радостями.

Обо всем этом он рассказывал мне и Марочке, когда просил назвать ее именем нашу старшую девочку.

У Михаила Марковича был брат, имени я, к сожалению, не знаю, он эмигрировал в двадцатые годы в Америку. В пятидесятые годы он пытался разыскать Марочку, чтобы оставить ему наследство. Я слышала испуганные, беспокойные разговоры об этом с тетей Анютой, дядей Яшей, тетей Розой, ведь в это время проживание одного из родственников за границей уже считалось преступлением. Не знаю, по каким каналам связи, но они постарались сообщить ему, что Марочка умер в детстве и просил их больше не беспокоить. Такие были времена. Тетя Анюта жила в Эссентуках, они с мужем воспитали двух дочерей – Фаину и Розалию, которые в последствии, уехали жить в Израиль.

Тетя Поля была репрессирована с мужем и детьми. Муж в тридцатые годы погиб в лагерях, она с детьми осталась жить в Казахстане. К нам приезжали отдыхать ее внуки.

По маминой линии.

Зинаида Михайловна Лемлих родилась в семье Лемлих Мойше и Иды. Мойше служил инженером на частном винном заводе в городе Очакове, так что с виноделием, нас связывали нити еще до революции. Мойше рано умер, а мама Ида доживала свои годы у Михаила Марковича и Зинаиды Михайловны. Бабушка Ида, во время одного из еврейских погромов подверглась нападению, во время поездки в поезде, поэтому у нее было плохое здоровье.

У Зинаиды Михайловны было еще три сестры:

Роза – жила в Эссентуках, вырастила с мужем дядей Яшей дочь и сына. Фамилия после замужества у нее была Готлиб.

Бетя - жила в Москве, вырастила с мужем трех сыновей, двое – близнецы – десантники, офицеры. Муж всю жизнь работал на авиазаводе, фамилия после заму-

жества – Алексеева.

Соня - жила в Ессентуках, вырастила сына, надо отдать должное, материально помогал все годы ей Михаил Маркович, так как мужа у нее не было. Ее сын Славик часто приезжал к нам в гости еще при жизни Марочки, а о последних его визитах в 2008 году я писала выше.

Альфред - брат Марочки, живет с женой Аллочкой в Израиле, вырастили двух сыновей. Я очень признательна одному из них – Мишеньке: он назвал своего мальчика в память о Марочке – Марком, так что в Израиле, на Земле Обетованной, растет маленький Марк Михайлович.

Теперь немного о моих корнях.

По папиной линии.

Мой дедушка Пенхасов Яков Моисеевич, спасаясь от еврейских погромов, уехал в конце девятнадцатого века в Турцию. В Россию он вернулся уже после того, как наступило более или менее спокойное время, думаю, что это были девяностые годы девятнадцатого века. Поселился в городе Хасав-Юрте, где и женился в первый раз на бабушке, фамилии не знаю.

При паспортизации дедушка взял фамилию Пенхасов (хотя я считаю, что она должна писаться Пинхасов, так как я думаю, она производная от имени Пинхас), Бог с ним, видимо, не придали этому тогда значения, и таким образом, моя фамилия Пенхасова.

Дедушка был раввином, овдовев, он переехал жить на Кубань в станицу Джеганас. От первого брака у него были дети:

Мишке – с женой и тремя детьми расстрелян в селе Богдановка.

Ихие – воевал, остался жив.

Зоя – с восемью детьми расстреляна в селе Богдановка.

Семен – воевал в финскую войну, был ранен, дожил до девяносто лет. С женой Шурочкой Кишеевой вырос-

тил трех сыновей.

Дедушка Яков женился на моей родной бабуле Нэмие Призовой, вдовцом.

Их дети:

Ирмие, дядя Жорочка, детей у него не было, они умирали сразу после рождения в младенчестве. Во время ВОВ один уцелел из всех братьев. Вернувшись домой, он собрал нас всех: Марию, меня, Лизочку, Юру (причем забрал у матери его мальчиком через суд после того, как она вышла замуж, оформил опекунство), бабулю и практически подолгу у нас жила Азочка и племянники его жены Лизы: Миша, Соня, Вера. Он нас всех, по существу, выучил, дал образование. Светлая ему память!

Маас, Максим, погиб в Гражданской войне.

Гызы, тетя Федора, с мужем Худодод (Федей) Даниловым воспитала дочь Раечку, помогала растить внуков Виктора и Жанну, к сожалению, она пережила смерть своей дочери Раечки.

Пилик (Петр), перед началом войны попал в тюрьму по доносу.

Из редких его сообщений мы узнали, что он рвется всеми силами на фронт, дальнейшую судьбу его мы не знали. Скорее всего, он погиб, воюя в штрафбате.

Шамайе, Семен, мой папочка.

У него дети – я и Юра, внуки: Майечка, Аленушка, Константин, Георгий, Игорь. Правнуки: Мишенька, Юлечка, Машенька и праправнучка – Лизонька.

Погиб он в 1945-ом году, уже после Победы.

Хэсибо, Азочка, у нее от первого мужа Ильханова Николая родилась доченька Лизочка, от второго брака с Семеном Давыдовым – Тамара и Ляля. Все три девочки – красавицы.

Лизочка и Томочка живут в Кисловодске, Лялечка – в Израиле.

У Азочки шесть внуков и шестнадцать правнуков.

Манюк, Мария, у нее дочь от брака с Михаилом Бо-

чарниковым – Галочка, внук Константин и три правнука.

Мои предки по маминой линии.

Кигин, Кирей, Ашуров, от первого брака у него дети Ахчагыз (Аня), Сара и Яков. Он рано овдовел. От второго брака с олимпиадой родилось еще трое детей.

Дядя Яша, детей не было, погиб в ВОВ на Морфлоте, где-то в районе города Ейска.

Тетя Аня, у нее от брака с Шауловым Герцилем (Гриша) родились дети: Якуб, Роза и Ольга. Точно не могу назвать количество внуков, но думаю, что где-то в пределах двенадцати деток.

Сара, моя мама, я у нее одна, внуков – двое: Майечка и Леночка, правнуков – трое: Мишенька, Юлечка и Машенька, праправнучка Лизонька.

Информация, конечно, о наших с Марочкой, предках скудная. Жили мы как-то в отрыве от всех, поэтому прошу прощения, что рассказала мало.

Хотелось еще отметить, что количество моих ближайших родственников, погибших в селе Богдановка

Примерно сто два человека.

С вашего позволения, не с целью назидания, а просто с познавательной целью, решила записать интересные для меня мысли, выдержки, стихи.

Ничего нового. Просто прочтите, если пожелаете, особенно, молодое поколение.

1. Все удары и поощрения, все, что происходит положительное и отрицательное, - следует принимать как должное.

«Да, так случилось, значит, я где-то была не права, я что-то сделала не так».

Не надо искать, где Вы ошиблись, надо просто смиренно успокоиться и сказать самому себе:

«Я перетерплю, переболею, перестрадаю, я должна это пройти, ибо я это заслужила».

И, разумеется, то, что Создатель все предопределил и задумал для нас – где нам следует жить, что иметь, где себя проявить, – дает нам право и возможность обрести душевный покой и снести все удачи.

2. Чтобы Вы не испытывали сейчас – нечто хорошее или плохое, радость или печаль, все пройдет...

3. Отдавайте то, что хотите получить:

Хотите деньги – отдавайте деньги,

Хотите любви – дарите любовь,

Надо отдавать, не ожидая ничего взамен, пусть отдача Вас удивит

Отдавайте с радостью, любовью в сердце и ясным умом

4. Человеку, чтобы ощущать себя человеком, присуща потребность – отдавать!

Когда дают вещь, то отдают немногое,

Когда дают любовь, то отдают много,

Когда даруют прощение, то отдают самое ценное,

Умение прощения есть мудрость, при которой человек освобождает самого себя.

Единственный грех на свете – непощение,

Грех – это, когда хорошее забывается, а плохое остается в памяти

5. Лишь тогда, когда человек начинает познавать свои заблуждения, происходит очищение его сущности

6. Те, кто почтительны к старшим, получают четыре вещи:

Еличие, Долголетие, Славу и Силу Знания

7. То, что плохо для тебя, не следует применять к другому – это и есть справедливость
8. Когда срывают травинку – вздрагивает вся Вселенная....
9. Кто дарит цветы, у того остается на руках аромат
10. Спокойствие достигается через раздачу подаяния
11. Чем лучше Вы к себе относитесь, тем добрее к Вам Мир
12. Думайте так, будто каждая Ваша мысль огромными огненными буквами написана на небе и видна каждому
13. Познание вечной души уничтожает страх перед смертью
14. Знание достигается через послушание старшим
15. Отказ от сиюминутного удовольствия – в награду дает более длительное удовольствие
16. Ежедневно благодарите Вселенную за все блага и говорите жизни – «Да»!
17. У всякого действия есть два исхода: успех или неудача.
Бездействие же всегда приводит ко второму
18. Чем больше беспорядка вокруг Вас,
тем больший беспорядок внутри Вас
чем больше беспорядка у Вас в комнате,

тем больший беспорядок в Вашем уме.

Уберите в своих шкафах, в гараже, в комнатах, на рабочем столе.

Энергия движется, когда нет препятствий, а беспорядок – это препятствие

19. Душевный покой – есть уравновешенность

20. Кто не боится быть глупым, тот не подчеркивает свой ум

21. Во всем заключено Божественное триединство:

Дух, Душа и Тело

Жизнь управляет Духом, уроки преподносятся Душой.

Тело наше идет в будущее, движимое волей Духа и силой Души

22. Бог направляет, человек осознает, думает, делает.

Чувство говорит человеку что делать,

Разум думает, как делать,

Воля исполняет приказание

23. Во всем должна быть «золотая середина»

Жаль, мы ее находим не всегда,

Вот, например, цветку необходимы

Для полной жизни солнце и вода.

Но, если солнца будет слишком много,

Растение засохнет и умрет,

И от большого и чрезмерного полива

Случится тоже, но наоборот.

Начнут гнить корни.. И казалось,

Живая благотворная вода

Лихую принесет беду с собою,
Убьет растение ваше навсегда.
Вот также человек, впадая в крайность,
Не может он понять лишь одного:
Большое счастье, как и большое горе,
Губительны бывают для него....

24. Никогда ни о чем не жалейте вдогонку,
Если то, случилось, нельзя изменить.
Как записку из прошлого, грусть свою скомкав,
С этим прошлым порвите непрочную нить.

Никогда не жалейте о том, что случилось.
Иль о том, что случиться не может уже.
Лишь бы озеро вашей души не мутилось,
Да надежды как птицы парили в душе.

Не жалейте своей доброты и участия,
Если даже за все вам – усмешка в ответ.
Кто-то в гении выбился, кто-то в начальство...
Не жалейте, что вам не досталось их бед.

Никогда, никогда ни о чем не жалейте –
Поздно начали вы или рано ушли.
Кто-то пусть гениально играет на флейте,
Но ведь песни берет он из вашей души.

Никогда, никогда ни о чем не жалейте –
Ни потерянных дней, ни сгоревшей любви.
Пусть другой гениально играет на флейте,
Но еще гениальнее – слушали вы.

Андрей Дементьев

25. Я попросил Бога забрать мою гордыню,
И Бог сказал мне: «Нет».

Он сказал, что гордыню не забирают. От нее отказываются.

Я попросил Бога вылечить мою прикованную к постели дочь,

И Бог сказал мне: «Нет».

Он сказал, что душа вечна, а тело все равно умрет.

Я попросил Бога даровать мне терпение.

И Бог сказал мне: «Нет».

Он сказал, что терпение – результат испытаний. Его не дают, а заслуживают.

Я попросил Бога подарить мне счастье.

И Бог сказал: «Нет».

Он сказал, что дает благословение, а буду ли я при этом счастлив, зависит от меня.

Я попросил Бога уберечь меня ль боли.

И Бог сказал: «Нет».

Он сказал, что страдания отдаляют человека от мирских забот и приближают к Нему.

Я попросил Бога духовного роста.

И Бог сказал: «Нет».

Он сказал, что дух должен вырасти сам, а Он лишь будет подрезать меня, чтобы заставить плодоносить.

Я попросил Бога помочь мне любить других так же, как Он любит меня, и Бог сказал: «Наконец-то ты понял, о чем надо просить»...

Я попросил сил, и Бог послал мне испытания, чтобы закалить меня...

Я попросил мудрости, и Бог послал мне проблемы, над которыми приходится ломать голову.

Я попросил мужества, и Бог послал мне опасности.

Я попросил любви, и Бог послал мне нуждающихся в моей помощи.

Я попросил благ, и Бог дал мне возможности.

Я не получил ничего из того, что просил.

Я получил все то, что мне было нужно.

Бог внял моим молитва.

26. ...Не гонитесь за призрачным – за имуществом, за званием: это наживается нервами десятилетий, а конфискуется в одну ночь. Живите с ровным превосходством над жизнью – не пугайтесь беды, и не томитесь по счастью, все равно ведь: и горького не довеку, и сладкого не дополна. Довольно с вас, если вы не замерзаете, и если жажда и голод не рвут вам когтями внутренностей. Если у вас не перешиблен хребет, ходят обе ноги, сгибаются обе руки, и видят оба глаза и слышат оба уха – кому вам еще завидовать? Зачем? Зависть к другим больше всего съедает нас же. Протрите глаза, омойте сердце – и выше всего оцените тех, кто любит вас, и кто к вам расположен. Не обижайте их, не браните. Ни с кем из них не расставайтесь в ссоре; ведь вы же не знаете, может быть это ваш последний поступок перед арестом, и таким вы останетесь в их памяти!

27. Если сократить все человечество до деревни в сто жителей, принимая во внимание все пропорциональные соотношения, вот как будет выглядеть население этой деревни:

- 57 азиатов
- 21 европеец
- 14 американцев (северных и южных)
- 8 африканцев

- 52 будут женщинами
- 48 мужчинами
- 30 белыми
- 89 гетеросексуальными
- 11 гомосексуальными
- 6 будут владеть 59% всего мирового богатства и все шесть будут из США
- у 80 не будет достаточных жилищных условий
- 70 будут неграмотными
- 50 будут недоедать
- 1 умрет
- 2 родятся
- у 1 будет компьютер
- 1 (только один) будет иметь высшее образование

Если посмотреть на мир с этой точки зрения, становится ясно, что потребность в солидарности, понимании, терпимости, образовании, очень высока. Подумайте об этом. Если сегодня с утра ты проснулся здоровым, ты счастливее, чем один миллион человек, которые не доживут до следующей недели.

Если ты никогда не переживал войну, одиночество тюремного заключения, агонию пыток или голод, ты счастливее чем, пятьсот миллионов человек в этом мире.

Если ты можешь пойти в церковь без страха и угрозы заключения или смерти, ты счастливее, чем три миллиарда человек в этом мире.

Если в твоём холодильнике есть еда, ты одет, у тебя есть крыша над головой и постель, ты богаче, чем 75% людей в этом мире.

Если у тебя есть счет в банке, деньги в кошельке и немного мелочи в копилке, ты принадлежишь к 8% обеспеченных людей в этом мире.

Если ты читаешь этот текст, ты благословлен в тройне, потому что:

1. Кто-то подумал о тебе

2. Ты не принадлежишь к тем двум миллиардам людей, которые не умеют читать и ...

3. У тебя есть компьютер!

Кто-то когда-то сказал: работай, как будто тебе не надо денег; люби, как будто тебе никто никогда не причинял боль; танцуй, как будто никто не смотрит; пой, как будто никто не слышит; живи, как будто на земле рай.

28.

Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплестясь ветвями,-
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой.
Не зарастет на сердце рана,
Прольется чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана -
Прольется пламенной смолой.
Пока жива, с тобой я буду -
Душа и кровь нераздвоимы,-
Пока жива, с тобой я буду -
Любовь и смерть всегда вдвоем.
Ты понесешь с собой повсюду -
Ты понесешь с собой, любимый,-
Ты понесешь с собой повсюду
Родную землю, милый дом.

Но если мне укрыться нечем
От жалости неисцелимой,
Но если мне укрыться нечем
От холода и темноты?
За расставаньем будет встреча,
Не забывай меня, любимый,
За расставаньем будет встреча,
Вернемся оба - я и ты.

Но если я безвестно кану -
Короткий свет луча дневного,-

Но если я безвестно кану
За звездный пояс, в млечный дым?
Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.

Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он стал бездомным и смиренным,
Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он полуплакал, полуспал,
Когда состав на скользком склоне
Вдруг изогнулся страшным креном,
Когда состав на скользком склоне
От рельс колеса оторвал.
Нечеловеческая сила,
В одной давилъне всех калеча,
Нечеловеческая сила
Земное сбросила с земли.
И никого не защитила
Вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали.
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всею кровью прорастайте в них,-
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!

Дав свободу, Всевышний дает нам одно благо за другим. Умение принять дар, благодарность за него – прекрасное человеческое качество. Свободный человек благодарен за то, что у него есть. Он не зависит от того, чего у него нет.

Если у него есть свобода, у него есть все! Вот смысл гимна, начинающегося словами:

«Нам и этого было достаточно!»

Сколько благодетений оказал нам Вездесущий. Если бы Он вывел нас из Египта, но не совершил бы суда над Египтянами – нам и этого было бы достаточно!

Если бы он совершил над ними суд, но не над их Богами – нам и этого было бы достаточно!

Если бы он привел нас к горе Синай, но не дал бы нам Тору, - нам и этого было бы достаточно!

Если бы Он дал нам Тору, но не ввел бы нас в Страну Израиля, - нам и этого было бы достаточно!

Если бы он ввел нас в Страну Израиля, но не воздвиг нам Храма, Избранного Им, - нам и этого было бы достаточно!

Главный дар дл нас – присутствие Всевышнего, властно вмешивающегося в историю и в жизнь каждого из нас!

Господи, дай мне душевный покой,
Чтобы принять то, что я не могу изменить,
Мужество – изменять то, что могу изменить,
И мудрость – отличить одно от другого.

Отче наш, Иже еси на небесех!
Да святится имя Твое,
да приидет Царствие Твое,
да будет воля Твоя,
яко на небеси и на земли.
Хлеб наш насущный даждь нам днесь;
и остави нам долги наша,
яко же и мы оставляем должником нашим;
и не введи нас во искушение,
но избави нас от лукаваго
Во имя Отца и Сына и Святого Духа
Аминь

Не попусти на меня, Владыко Господи,
искушение или скорбь, или болезнь
свыше силы моей, но избавь от них
или даруй мне крепость
перенести их с благодарностью
Аминь

Господи, помоги нам, Господи,
Я знаю, что Ты есть,
Я знаю, что Ты слышишь меня,
Я верю в Твое могущество и Твое милосердие
Я люблю Тебя, Господи, и я верю,
Что все, что Ты сделал со мной,
Было нужно для того,
Чтобы я пришел к Тебе.
Прости меня, Господи, за все, что я
делал
По неразумению моему,
Я благодарю Тебя, Господи, за Твою
науку
И за то, что Ты позволил мне пройти
Все испытания и выдержать их с честью
Помоги мне, Господи,
Обрести Тебя и никогда в жизни
Больше не разлучаться с Тобой.

Я благодарю вас:
Господь Бог, Матушка Земля, Властители Кармы,
Богородица, Вся Божественная Иерархия, мои Божественные Наставники, мои Ангелы -
Хранители и Ангелы – Целители, и
низко кланяюсь Вам:

Да будет свет и мир всем Мирам,
Да будет свет и мир всем Небесам,
Да будет мир Воде, Земле, всем Су-
ществам,
Да будет счастье, радость, здоровье и
мир
Всему Человечеству на Земле.
Да прольются Божественные Огни
Через меня на Землю.
Я благодарю за работу все простран-
ства
Мироздания, которые оказали мне
Помощь и влияние всех людей за уро-
ки.
Желаю Им счастья, здоровья, любви!

Господь Бог! Ты мой создатель,
Я люблю Тебя, я – часть Тебя,
И не могу потерпеть неудачу, потому
Что Ты не можешь ее потерпеть.
Я могу все, я могу быть здоровым,
Счастливым, успешным, потому что
Я часть Тебя, а Ты – можешь все,
Чего бы я ни пожелал.
Я могу это получить потому,
Что Ты желаешь этого для меня.
Я не погрязну во тьме и сомнениях
Потому, что Твой духовный свет
Освещает мой путь.
Ты – во мне, а я – с Тобой,
Вместе мы способны творить чудеса.

Всемиловитая Владычица моя,
Пресвятая Госпоже Всепречистая
Дево Богородице Марие, Мати Бо-

жия,
Несумненная и единственная
Надежда моя, не гнушайся мене,
Не отступи от мене, заступи,
Попроси, услыши, виждь, Госпоже,
Помози, прости, прости, Пречистая!

Владычица, Пресвятая моя Богородица,
Твоими всесильными и святыми
мольбами перед Господом нашим,
отведи от меня грешного и смиренного
раба Твоего, уныние, неразумие
и все скверные, лукавые и
богохульствующие помышления.
Прошу Тебя! Отведи их от
сердца моего грешного и души моей
слабой.
Пресвятая Богородица!
избави меня от всяческих злых и
недобрых помыслов и действий.
Будь Благословенна, и да славится
имя Твое во веки веков.

Аминь

Ангелы – Хранители даны явно каждому Богом, человек обращается к ним и получает помощь.
Нужно всегда благодарить Ангела, если произошло что-то хорошее или события пошли так, как Вы хотели.
Благодарность – тоже контакт с этой духовной силой, этой родственной для Вас душой.
Ангел поможет только после Вашего обращения, от него не исходит диктат.

О, Святый Ангел, ходатайствующий
перед Господом нашим за душу мою,
тело мое и жизнь мою грешную, не
оставь меня, за все грехи мои.
Прошу Тебя! Не дай лукавому демону
завладеть душой моей и телом моим.
Прошу Тебя! Укрепи мою слабую и
податливую душу и направь ее на
путь истинный.

Прошу Тебя, Ангел Божий и храни-
тель души моей, прости мне все гре-
хи, которыми я оскорбил Тебя за всю
мою неправдивую жизнь.
Прости все мое прегрешения, которые
я совершил в день минувший и защи-
ти меня в Новый день.
Сохрани душу мою от разных искуше-
ний, чтобы я не прогневила Господа
нашего.
Прошу Тебя, помолись за меня пе-
ред Господом нашим, чтобы сошла на
меня милость Его и спокойствие ду-
шевное.
Аминь.

Ангельская работа
В раю было два ангела. Один всегда
отдыхал на облаке, а
другой летал от земли к Богу. Отды-
хающий ангел решил
спросить другого: «Что же ты летаешь
туда-сюда?»
Спросил.
- Я ношу Богу послания, которые на-

чинаются «Помоги Господи...» А почему ты всегда отдыхаешь?

- Я должен носить Господу послания которые начинаются «Спасибо, Господи...»

Мораль:

Надо чаще благодарить Господа Бога за то, что имеем и просить Его просто благословить наши начинания и надежды.

Ангельская работа

Когда я умер и попал в небесную обитель,

Мне встретился там Ангел - мой хранитель,

И я был этой встрече рад.

«Оглянись назад, попробуй в прошлое свое

взглянуть, и ты увидишь жизненный свой путь»,

Я взглядом пробежал по прожитым годам, и понял по оставленным следам, -

что Ангел мой, Хранитель мой, все время рядом шел со мной.

Но, вдруг, я увидел: в тяжелые дни на линии жизни следы лишь одни, тогда я с упреком спросил у него:

«Неужто Ты бросил меня одного?»

«Ты зря упрекаешь, во время беды лишь мною оставлены эти следы, сквозь горе пронес я тебя на руках», - ответил мне Ангел, паря в облаках...

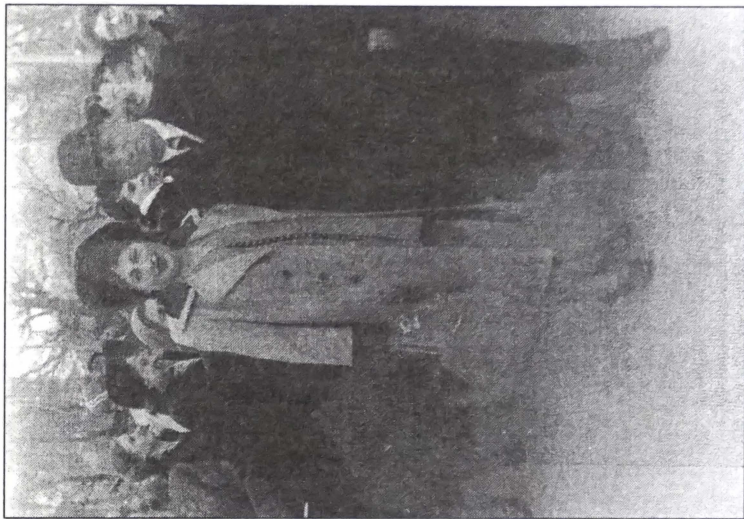
Ашурова Сара Киреевна — моя мама, 1935 г.

Пенхасов Семен Яковлевич — мой папа

Пенхасов Георгий Яковлевич — мой дядя, 1954 г.

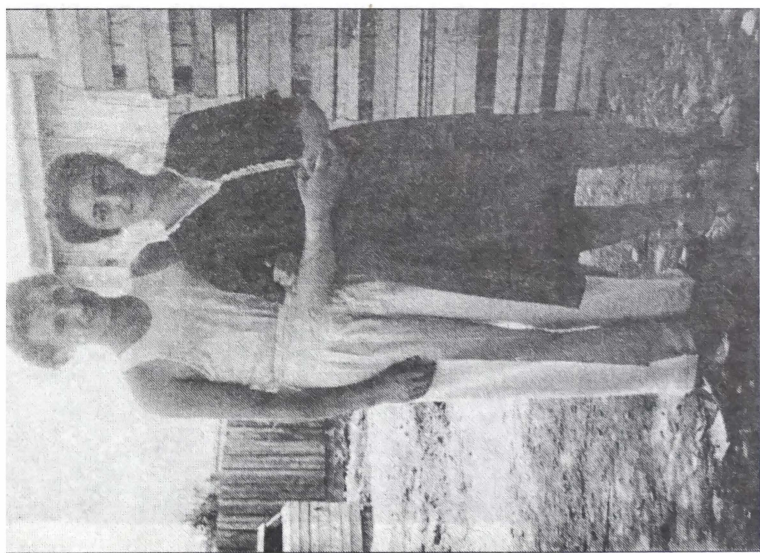
Сигал Зинаида Михайловна и Михаил Маркович — Марочкины родители, 1955 г.

Это я в 1951 г.

Марочка, 1951 г.

Мы с Марочкой

Мы с Марочкой, 1953 г.

Мои внуки, Миша и Юля, 1984 г.

Слева направо: д. Жора, Михаил Маркович, Марочка,
б. Сара, Зинаида Михайловна, я, Майечка и Лёка

Мы с Марочкой, 1975 г.

Это я в 1951 г.

Уже директор, 1962 г.

Машенька, 1992 г.

д. Жора, т. Лиза и Ривочка, 1961 г.

Зинаида Сигал

С любовью ...

Корректор Глушко А.М.
Сверстано с оригинала, предоставленного автором.
Дизайн и компьютерная верстка Машкин А.В.

Отпечатано в типографии ООО “ЮгПолиграф”,
353680, г.Ейск, ул.Армавирская 45,
тел. 33-4-01.

Формат 60X84/16
Печать офсетная. Объем 9
Тираж 50 экз., заказ № 1155
Гарнитура Peterburg

Ейск, 2010 г.

